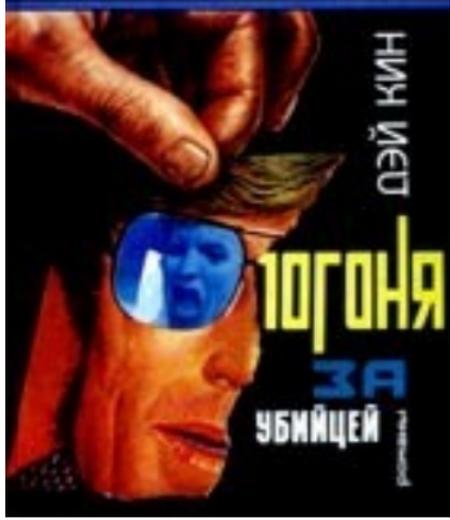

МАС ШЕРА
ОС РОСЮЖЕТНОГО
ДЕ ЕКТИВА

НИИ ЙЕД

1000

ЗА
УБИЙЦЕЙ

2014

Дей Кин Погоня за убийцей

OCR Денис

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158045

Дэй Кин. Погоня за убийцей: Центрполиграф; Москва; 1993

ISBN 5-7001-0069-X

Оригинал: DayKeene, "Hunt the Killer"

Содержание

1	4
2	14
3	23
4	32
5	38
6	47
7	56
8	65
9	70
10	77
11	87
12	97
13	105
14	114
15	123
16	131
17	141
18	154
19	166
20	176
21	186

Дей Кин

Погоня за убийцей

1

Было жарко. И темно. В камерах пахло мужчинами, сны которых наполнялись страхом, отчаянием и разочарованием. Пахло мужчинами, которые уже несколько лет не имели женщину, – и так ночь за ночью. Три стены, наверху рама окна, железная решетка, жесткие, узкие нары и дезинфекционные средства вместо лосьона. И постоянно растущее напряжение в душе, обрывающееся истерикой.

Ты можешь выпить на углу кружечку пива? Можешь в охотку съесть порцию крабов и пойти на рыбалку? Можешь ласково потрепать свою жену и шепнуть ей: "Сегодня ночью, дорогая, да?" Увы, ты делаешь только то, что тебе велят, и держишь рот на запоре.

Я целую ночь не спал, а утро все не наступало. Я давно ждал этого утра. Четыре года, так определил суд. И я отсидел четыре года, не выходя под залог и без сокращения срока за хорошее поведение.

Когда прозвучала сирена, я был наготове и ждал. Мак-Кенни, надзиратель на моем этаже, остановился у камеры.
– Сегодня большой день, не правда ли, Чарли?

У меня в горле застрял комок, и я смог только кивнуть. Двери открылись, и я вышел в коридор, попрощавшись с товарищами, которые должны были сидеть здесь дни, недели, месяцы и даже годы. Они, каждый по-своему, пожелали мне счастья. Конечно, они завидовали мне, поскольку я уходил, а они оставались.

До этого я напрасно пытался позавтракать, слишком был взволнован. И еще очень беспокоили дырочки в стене столовой. Я ведь знал, что они означали, и до сих пор слышал треск автоматов. И если бы не Шведе, я был бы сейчас мертв. Лежал бы вместе с Микки и Зальцем. Или сидел в камере смертников, как Шведе.

Эти мысли отняли у меня остатки аппетита.

Постовой, стоявший во внутреннем дворе, жестом оставил меня:

– Чарли Уайт?

– Да.

– Иди за мной.

Мы пошли через двор в маленькую комнатку административного здания. Вещи, за которые я расписался еще накануне, висели на вешалке.

Надзиратель сказал:

– Когда переоденешься, сдай тюремную одежду в гардеробную.

– Хорошо.

– А потом – в кабинет начальника тюрьмы.

– Хорошо.

Надзиратель с горящими желтыми искорками в глазах закурил и выпустил дым прямо мне в лицо.

– Конечно, если ты не хочешь оставить все это себе на память.

Я покачал головой.

– Нет, спасибо.

– На твоём месте я бы в будущем вел себя смирно.

– Конечно.

Солнце заглянуло в окно. Я разделся и какое-то время стоял голый, позволяя солнцу выжечь тюремный запах. Правда, для этого мне понадобится много солнца. Потом я оделся, сдал тюремный хлам в кладовую и направился к начальнику.

Мое дело лежало перед ним на письменном столе.

– Значит, сегодня вы нас покидаете, Уайт?

– Да.

– И вы не так уж несчастны от этого, верно?

В кабинете начальника тюрьмы было так же жарко, как и в моей камере. Пот ручейками стекал у меня по спине. Дышать было тяжело. Разве они думают о том, сколько человек может выдержать? Я отбыл свой срок и хотел на волю. Судорожно сглотнув, я выдавил утвердительный ответ. Начальник поднял голову от моего дела.

– Вы были капитаном рыболовецкого судна, не так ли?

– Да.

– На своем собственном судне?

– Да.

Он снова посмотрел в мое дело.

– И никаких поощрений за хорошее поведение. – На его толстом лице появилась краска. – Поэтому вам повезло, что вы вообще уходите от нас. Понимаете, Уайт?

Я выдал стереотипное "да", но на этот раз повторил его протяжно. Что можно на меня еще "навесить"? Он хотел было рассердиться, но передумал.

– О'кей, коли так, Уайт. Вы стоите выше тех заключенных, которых мы обычно имеем, и мне не хотелось бы видеть вас снова. Но в данный момент вы так чертовски полны сострадания к самому себе, что все, сказанное мной, было бы напрасно.

Я вытер рукавом моего нового костюма пот с лица.

– Попробовать все равно можете.

Он положил на угол стола расписку, запечатанный конверт, несколько банкнот и немного мелочи.

– Не имеет смысла. Если вы вот тут распишетесь в получении ста двадцати шести долларов пятидесяти центов, то речь я предоставлю кому-нибудь другому.

Этот другой, видимо, патер Рейли. Благодаря священнику, я получил от Бет единственную весточку за четыре года. И я знал, что она в курсе моих дел. Но если Бет действительно подала на развод, то этих бумаг от нее я не получал.

Он убрал расписку, а я сунул деньги и конверт в карман.

– Всего хорошего, Уайт! Желаю вам счастья.

Начальник тюрьмы нажал какую-то кнопку и перепоручил меня надзирателю. Но тот повел меня не в комнату капеллана. Впервые я вошел в дом смерти, и мне он совсем не понравился.

Шведе примостился на углу письменного стола в маленькой комнате для свиданий, без окна. Он был босиком, в штанах и нижней рубашке. Выглядел, как обычно, только загар исчез. Линии лица резко обострились, а глаза, казалось, стали еще более синими.

– Десять минут, Уайт, – сказал надзиратель и закрыл за собой дверь на замок. К горлу подступил комок, от которого я чуть не задохнулся. Десять минут не хватит даже на то, чтобы поблагодарить Шведе за все, сделанное для меня. Ведь и я бы участвовал в попытке к бегству вместе с другими, если бы Шведе не ударил меня так, что я потерял сознание.

"Не делай глупостей, парень! – набросился он тогда на меня. – Тебе осталось только шесть месяцев. А у меня пожизненно".

Побег не удался. Когда я пришел в себя, автоматы уже молчали. Микки и Зальц были мертвы, а Шведе разбил надзирателю череп железной палкой...

– Сигарету? – спросил Шведе сейчас.

Я вытащил из предложенной им пачки сигарету.

– Спасибо.

Шведе курил, глубоко затягиваясь, словно хотел полностью насладиться куревом. Я глубоко уважал этого старого

человека. Будучи капитаном судна, он знал Мексиканский залив и Карибское море так же хорошо, как другие свою родную улицу. Если кто и был набит знаниями, так это Шведе.

– Десять минут – это немного, – сказал он. – Ты бы мог принять меня за святого?

Комок в горле исчез. Я рассмеялся.

– Десять минут – это немного, – повторил он. – Не забывай, Чарли, что мы очень похожи друг на друга, если не считать разницы в возрасте. Мы оба любим море, и оба хорошо на этом зарабатывали. Но были ли мы этим довольны? Нет. – Он сделал отстраненное движение рукой, в которой держал сигарету. – Поэтому я и попросил начальника тюрьмы устроить нам с тобой последнее свидание. Человек много думает, когда видит перед собой смерть. И все кончается одним и тем же: каждый тащит добычу на сушу. Из тех глубин, в которых ловит.

Он дал мне время на раздумье, а сам стал прижигать от окурка новую сигарету.

– Раньше было иначе, человек больше принадлежал самому себе. Среди огромных морских пространств, не обозначенных на карте, он мог плавать по собственному разумению. Но времена изменились. После всех тех лет, когда плавали наудачу и с благословения божьего, общество расставило в морях буйки и другие указатели. У тебя есть серебряный доллар, парень?

Среди тех денег, которые мне дал начальник тюрьмы,

имелся серебряный доллар. Я протянул его Шведе.

Он повертел монету в пальцах и провел по буквам лицевой стороны.

– "Э плюрибус унум". Тебе известно, что это значит, Чарли?

– Приблизительно: один за всех и все за одного.

Шведе покачал головой.

– Нет, это значит: один на многих. И это ты, Чарли, и я, и надзиратель, который тебя привел, и человек, который будет еще сегодня меня "поджаривать". Каждый – только один из многих. Нужно плыть по течению или... смотри, что произошло со мной. И смотри, что случилось с тобой, когда ты захотел идти собственным курсом. Что касается прибыли, то ты выиграл. Но если подсчитать все минусы, то получится, что ты потерял жену, судно и отсидел четыре года. А если подсчитать плюсы, то ты учинил несколько диких свинств, имеешь дамочку с двойной порцией секса и превратное убеждение в том, что ты был умнее, чем твои товарищи, другие капитаны. Каждый раз ты возвращался с хорошим уловом. А сколько у тебя денег сейчас?

– Сто двадцать шесть долларов и пятьдесят центов.

Шведе рассмеялся.

– За четыре года жизни, черт возьми! Ребята из Неаполя, да и здесь в Пальмето-Сити зарабатывают столько за одну ночь, когда выходят ловить рыбу. Но ловить рыбу – это тяжелая работа. Такая же, как и многие другие. Мы это хорошо

знаем – ты и я. Тебя жена встречает у тюрьмы?

Я признался, что не имею понятия.

– Оно и понятно, – заметил Шведе. – Мужчина может заставить свою жену голодать, может напиться и бить ее каждую дочь, а по воскресеньям дважды, но он все равно останется для нее божеством, если она знает, что она у него единственная в его жизни.

Прежде чем я успел что-либо сказать, он продолжал:

– Кажется, ты немного сбился с курса, Чарли, а?

Я замялся.

– Как сказать...

Шведе выплюнул свою сигарету на пол.

– Нет, ты все придерживаешься иного мнения. Не хочешь сознаться, что допустил ошибку. И жалеешь себя.

Он закурил третью сигарету, и его голубые глаза испытующе скользнули по моему лицу.

– Я знаю, каково тебе сейчас. Я тоже вспыльчивый. Поэтому и сижу здесь. Но ты не будешь таким, Чарли.

Одна мысль о сеньоре Пезо сковала мне горло.

– Что же я должен делать?

– Ты чертовски хорошо знаешь, что я имею в виду. Но если ты прикончишь своего бывшего партнера, потому что он засадил тебя в тюрьму, то ты опять попадешь сюда. – Шведе провел рукой по стене камеры смертников. – Поможешь акционерам Флоридского Электрического общества повесить свои дивиденды.

Я стер левой рукой капельки пота с правой. Шведе курил.

– Словно на войне, ты купаешься в крови, и человеческая жизнь ничего не значит. Но тысячи жизней – это ведь другое дело, правильно?

Я согласился.

Шведе соскользнул с письменного стола и стал расхаживать взад и вперед.

– Вот то-то и оно. Мы здесь, на Заливе, видели нечто подобное, когда тебя уже не было. Мы называли это красным приливом. Рыбы умирали миллионами на побережье, и на песчаных отмелях от Апалач-Бей до Кен-Сейбла их трупы воняли так, что можно было унюхать за десяток миль. И каждый клялся, что море теперь никогда уже не будет таким, как прежде.

– Я слышал об этом.

– И тем не менее все вернулось на круги своя, – глаза Шведе были удивительно синими и ясными. – Вода снова стала чистой, и крабы вернулись. Рыбы опять стали метать икру. Может быть, и не так интенсивно, как раньше, но мать-природа все равно все восстанавливает.

Чувствуя опять комок в горле, я спросил:

– А что здесь общего со мной?

– Ты опять вышел на чистую воду, Чарли. Если будешь умно вести себя, там и останешься. Отыщи себе работу рыболова с участием в прибылях или, если не выйдет, работай с туристами. А когда сможешь что-то предложить, возвращай-

ся к жене. Упав на колени, если надо, и проси вернуться.

Я сказал:

– Похоже на добрый совет, Шведе.

Он долго смотрел на меня, потом отбросил окурок сигареты.

– Но ты ему не последуешь ни на йоту, парень, А ведь речь идет о твоей голове.

Надзиратель открыл дверь.

– Время вышло.

– Жаль, – заметил Шведе. Он направился к двери, даже не сделав попытки пожать мне руку. В дверях обернулся и сказал:

– Не буду говорить "до свидания". Пока ты придержишься таких мыслей, это все равно, что прощание. Постарайся приготовить тебе бутылку и брюнетку, Чарли. – Улыбка его была вымученной. – Но боюсь, что виски будет горячей девочкой.

2

Вместе с надзирателем я опять прошел через двор. В административном корпусе он опять показал мне на наружную дверь.

– О'кей, теперь вы свободны, Уайт.

Я кивнул.

– Спасибо.

Он ушел, а я остался в вестибюле, впервые за четыре года без присмотра. Я стоял и смотрел на выход. Боялся спуститься по ступенькам. Ждет меня Бет или нет?

Она знала, что меня выпускают. Патер Рейли написал ей об этом. И что же дальше?

В вестибюле стоял автомат с сигаретами. Моя рука дрожала так сильно, что я едва мог сунуть в щель четверть доллара, чтобы получить пачку "Кэмел". А что мне предпринять по поводу сеньора Пезо?

Сеньор Пезо! Имя звучало как шутка.

Я прислонился к стене. Ждал, пока руки перестанут дрожать. Думай о Бет, думал о Цо. И о мистическом сеньоре Пезо. Жилки на висках забили тревогу. Ведь это его голос звучал по телефону, начавшему всю эту драму. Не будь этого человека, которого я никогда не видел, не было бы и четырех лет тюрьмы.

Я бы сейчас еще плавал на "Бет-И". И это он принес мне

четыре года тюрьмы, лишил судна и, что гораздо важнее, – жены.

А теперь Шведе требовал от меня, чтобы я вычеркнул его из памяти.

По вестибюлю проходил один из тюремных служащих. Увидев меня, он сказал:

– Кажется, вы нас сегодня покидаете?

– Верно, – ответил я.

– Чего же вы еще ждете?

Что ответить этому человеку? Что мне страшно пройти через двери?

– Жду жену, – солгал я.

Он тихо присвистнул.

– Господи, как бы я хотел ждать свою жену. – И пошел дальше.

Я сделал несколько шагов мимо ниши с кушеткой для посетителей и стенными зеркалами с полированными краями, похожими на то, какое хотела иметь Бет для нашей гостиной в старом доме на острове.

Я остановился и посмотрел в зеркало. Четыре года тюрьмы меня не изменили. Я по-прежнему был веснушчатым рыбаком с огненно-красными волосами, с весом приблизительно девяносто килограммов и двумя унциями мозгов.

"Говорит сеньор Пезо. Капитан Уайт, как вы относитесь к тому, чтобы заработать две тысячи долларов?"

Так было в первый раз, по телефону. Голос с легким ак-

центом Ибор-Сити. Это было как раз в те времена, когда я поотстал с платежами за мое новое судно, а Бет лежала больная. В связи с выкидышем.

Как я отнесусь к тому, чтобы заработать две тысячи долларов? Ведь этого надо поймать десять тонн рыбы. А мне предложили другое, выйти на восемьдесят миль в Залив и взять с собой несколько маленьких водонепроницаемых пакетиков. Я не знал ничего, кроме того, что, когда я взглянул на пакетики, их уже не было, а вместо них были обещанные сеньором Пезо две тысячи долларов. Дело было грязным, и я быстро понял это. Бет проплакала всю ночь, когда я рассказал ей. Но для меня это были большие деньги – деньги, которые я давно хотел иметь, чтобы привести дом в порядок, жить как туристы и покупать Бет красивые вещи.

Потом была поездка в Веракрус, затем в Пинар-дель-Рио. К этому времени судно было оплачено. Далее последовала поездка в Гавану, где я встретил Цо. После этого я так глубоко увяз, что трудно было выбраться. Ездил туда, куда мне говорили, встречался с тем, с кем должен был встретиться, забирал все, что должен был забрать, и привозил все это в Пальмето-Сити.

Поездки оканчивались благополучно, в деле не случилось никаких срывов. Я все больше времени проводил с Цо, заглушая свою совесть. Не делал только одного: не провозил контрабандой людей. И, предприняв одну неудачную попытку, сеньор Пезо больше не возвращался к этой теме.

Дело было верное. Парни из береговой охраны хорошо знали меня, более старые и старшие чиновники знавали моего отца. У меня не было никаких сложностей с бумагами. Никто меня не задерживал – вплоть до последнего раза.

В той поездке я должен был принять швейцарские часы и французские духи общей стоимостью в сорок тысяч долларов.

С сеньором Пезо я так и не познакомился лично. Указания получал по телефону, а деньги наличными по почтовым переводам.

Но, когда на моем судне впервые появилась береговая охрана, он бросил меня на произвол судьбы.

"Для кого вы перевозили контрабанду, Уайт?" – спросил меня прокурор в Тампа.

Я ответил: "Для сеньора Пезо".

Судья чуть не лопнул от смеха, присудил мне денежный штраф в пять тысяч долларов, конфисковал судно и отослал меня в тюрьму на четыре года. Подальше от Бет, подальше от Цо. Вот я и возненавидел сеньора Пезо.

Я бросил окурок и раздавил его каблуком. Все зависело от Бет. Если Бет меня ждет, я последую совету Шведе и начну жизнь сначала.

Если нет, то плевал я на все. Никто не сможет безнаказанно заставить Чарли Уайта отбывать срок. Я выясню, кто он такой, сеньор Пезо, и убью его, даже в том случае, если мне придется разделить участь Шведе.

Я шел под теми же лучами солнца, которые светили мне и во дворе тюрьмы, но теперь они казались еще более жаркими и жгучими. Я поднес руку ко лбу, прикрывая глаза.

Бет на площади не было. Спасовала. Но Цо меня ждала, осталась мне верна. Минуту я просто стоял и смотрел на нее, как она стояла, прислонившись к "джипу" канареечного цвета. Ее черные волосы блестели на солнце. Платье было летнее, белое, и ее плечи казались вылепленными из алебастра. Платье с глубоким вырезом плотно обтягивало груди. И это мне кое о чем напомнило.

Я подошел к машине и услышал голос Цо, который одновременно ласкал и ранил.

– Хэлло, дорогой! Я так рада тебя видеть!

Она подставила мне губы для поцелуя.

– Я жду тебя здесь с самого рассвета.

Ее губы прижались к моим, пальцы щекотали спину. К черту Шведе! К черту все! Держа ее в объятиях, я испытал сладостное чувство.

– Ты не должна так целовать чужих мужей, можешь не попасть в рай! Она сморщила носик:

– А кто хочет в рай?

Я снова поцеловал ее.

– Ах, ты, сатаненок!

Цо поняла, она знала, что творится у меня в душе, и взяла мое лицо в ладони.

– Сатанята в рай не попадают.

Потом она передала мне ключи от машины.

– За руль сядешь ты.

Я спросил:

– Куда поедем?

Вместо ответа она закурила сигарету и сунула ее мне в рот.

– Я сразу хочу кое-что тебе сказать, Чарли...

– Что именно?

– Тебя никто не покидал на произвол судьбы.

Я хотел было выйти из машины, но Цо остановила, положив свою ладонь на мою руку.

– Я это говорю совершенно серьезно. Сеньор – ты знаешь о ком речь – не мог позволить себе появиться на твоём процессе. Это поставило бы под угрозу все дело.

– И поэтому он кинул меня на съедение волкам?

Цо улыбнулась, обнажив белые зубы.

– Скажи лучше, на съедение акулам. – Она сунула руку в сумочку и достала банковскую книжку. – У тебя дела обстоят совсем неплохо.

Я раскрыл книжку и посмотрел на цифры. Значит, я сказал Шведе неправду, я не банкрот, у меня были деньги. За каждый месяц, проведенный в тюрьме, кто-то – предположительно, сеньор Пезо – переводил на мой счет по тысяче долларов. Последний взнос утверждал, что на моем счету сорок восемь тысяч пятьсот сорок шесть долларов. Я сунул книжку в карман.

– А каким образом ты замешана в это дело?

– Выходит, замешана. – Улыбка ее немного померкла. –

Ну, как, теперь ты целиком мой или я должна опять делить тебя с кем-нибудь? – Я назвал ее тем именем, которое она заслужила.

Цо опять улыбнулась.

– Даже в этом случае. Есть такие девушки, которые любят своих дружков. – Ее испанский акцент стал более заметным. – Даже больше, чем жены.

Она оглядела площадь.

– Что-то я не вижу твоей жены.

На площади было душно. Крыша "джипа" была откинута назад, и солнце жгло, как огонь. Я снял куртку и кинул ее на заднее сиденье. К черту Бет, она не заслужила, к черту все, к черту и намерение убить сеньора Пезо. Он не был виноват в том, что меня схватили. Зато он постарался на свой лад рассчитаться со мной: ведь сорок восемь тысяч долларов – это целое состояние.

Я поднял подбородок Цо и поцеловал ее.

Она недоверчиво спросила:

– За что?

– Прости, я тебя оскорбил. Но у меня нервы на пределе. – Я кивнул на каменную громаду тюрьмы. – Еще несколько месяцев – и я был бы готов.

Она улыбнулась сквозь слезы.

– Ты – милый капитан Чарли. Ты мне очень нравишься.

Ну, а теперь поедем?

Я вывел машину со стоянки.

– Куда?

– Через всю Флориду в Кросс-Сити. На Дед-Менс-Бей я сняла хижину. Только для нас двоих, дня на два-три. А потом появится кто-нибудь из мальчиков и переправит нас в Гавану. Подходит?

После четырех лет тюрьмы – небо и пальмы, прибой моря и Цо.

– Ты что, смеешься надо мной?

Оказывается, Шведе во многом ошибался. Цо придвинулась поближе ко мне.

– Я тебе еще хоть немножко нравлюсь?

– Очень нравишься.

– Только нравлюсь?

– Могу сказать, что люблю тебя.

Она прижалась ко мне.

– Ты вспоминал обо мне временами?

– Тысячу раз!

Похоже, мой ответ ей понравился.

– Это меня радует. – Но она почему-то тяжело дышала, и грудь ее вздымалась и опускалась.

– Почему это должно тебя радовать, моя милая?

Дьяволенок нагнулся вперед и зажег в ее глазах непонятный свет.

– Не называй меня милой, это очень скучно.

Я насмешливо рассмеялся, а она обиделась.

– Почему ты смеешься надо мной?

– Потому что ты все равно милая.

– Такая же милая, как Бет?

У меня появилось неприятное ощущение в желудке.

– Не упоминай ее имени.

Цо улыбнулась, как маленькая колдунья.

– Как хочешь, дорогой. Может, выпьешь немного?

– Не откажусь.

Она вынула из картонной упаковки бутылку рома и протянула мне: Я выпил, как пьют вино, довольно много, и вернул бутылку. Она положила ее на сиденье рядом с собой. Поскольку я давно не пил спиртного, оно подействовало на меня так же сильно, как присутствие Цо.

Движения на улицах почти не было. Ром опалил меня и пощекотал нервы. А вскоре на пустынном отрезке дороги я свернул на обочину и остановил машину под группой пальм.

Цо не сопротивлялась, когда я сжал ее в своих объятиях. И не называла это глупостью, как говорила Бет.

3

Ближе к вечеру мы добрались до хижины на побережье Дед-Менс-Бей. По дороге мы еще трижды останавливались. Один раз – в Гейнсвилле, чтобы перекусить, потом – в Кросс-Сити, чтобы закупить рома, а один раз – просто по дороге.

Оба мы были под хмельком. Цо – полная планов на будущее, а я – довольный своим настоящим состоянием. Цо, бутылка, кров над головой – что еще может желать человек после четырех лет тюрьмы?

"Хижина" оказалась приветливым домишком на пологом светлом побережье, окруженном сосновым бором. Казалось, здесь все привел в божеский вид весьма заботливый хозяин. Песчаная дорожка вела от шоссе к заливу. Ближайший дом – рыбацкая хижина – расположен, на мой взгляд, не ближе, чем на милю.

Залив был такой же, как всегда: темно-синий и таинственный в лучах заходящего солнца, он простирался до самого Карибского моря.

Местечко показалось мне как нельзя более подходящим. Цо открыла дверь дома, состоящего из гостиной, кухни и спальни.

– Почему бы тебе не искупаться, дорогой? А я тем временем приготовлю ужин.

Я положил на стол продукты, купленные в Кросс-Сити.

Предложение Цо было стоящим. Я зашагал босиком к воде.

Заплыл я довольно далеко, так что суша стала казаться узкой чертой. Потом лег на спину и отдался на волю волн. Я разглядывал вечерние звезды, думая о том, как много упустил за эти четыре года. Море, звезды и ее... Да, да, то есть Цо. И теперь я был даже рад, что Бет не встречала меня. Мы были с ней разными людьми.

Любовь – это брак, без ограничений. Цо никогда не плакала, если я напивался, – она напивалась вместе со мной. И Цо всегда хотела того же, что и я. Ей было плевать на то, что говорили люди. Ну, хорошо, я сидел в тюрьме, но сейчас-то был на свободе, и этим все сказано. Даже больше: Шведе ошибся относительно ее чувств. Если бы не любовь, она не встречала бы меня у ворот тюрьмы.

Я перевернулся на живот и медленно поплыл к берегу, оставляя за собой фосфоресцирующий след. Я снова желал Цо, но теперь уже нормально, без животной страсти.

Какой же я все-таки негодяй. Мне бы родиться лет на пятьдесят раньше, еще до того, как общество расставило свои буйки и указатели, о которых говорил Шведе. Но что поделаешь, черт возьми! Повернуть время вспять невозможно. Оставалось только одно – жить!

Вскоре я стоял на берегу, отряхиваясь от воды, смотрел на залив и глубоко вдыхал соленый воздух. Мне представлялось, что я опять капитан судна, все равно какого, и все стало так же, как и прежде.

Цо зажгла две лампы – одну в кухне, другую – в спальне. Я прошел по желтому ковру на кухню. В кофейнике грелась вода для кофе, в кастрюле подогревался зеленый горошек, а на сковородке жарились бифштексы.

– Ну, доставил себе удовольствие? – крикнула Цо из спальни.

– Выкупался великолепно! – крикнул я в ответ.

На столе стояла открытая бутылка рома. Я отхлебнул из нее и хотел пройти в спальню – посмотреть, чем занимается Цо. При этом я споткнулся о свои вещи, оставленные на полу, шлепнулся и чуть не разбил себе затылок.

Цо услышала мое падение, смех и спросила, над чем я смеюсь. Лежа на полу, я ответил:

– Над тобой, хозяйка! Почему ты не развесила мою одежду?

Я представил себе, как она пожимает плечами.

– Откуда я могла знать, что ты этого хочешь.

Пока я купался, она хорошо приложилась, кубинский акцент стал сильнее, чем когда-либо.

– Когда я была маленькой девочкой, мать говорила мне: "Цо, всегда думай о том, чтобы понравиться мужчине. Ты всегда должна позволять ему делать то, что он хочет". Ты хочешь?

Все еще сидя на полу, я ответил:

– Можешь не сомневаться.

Потом я поднял деньги, вывалившиеся из куртки, и кон-

верт, врученный мне начальником тюрьмы, на котором на машинке было отпечатано мое имя и номер: Чарли А. Уайт, 34408133.

Там, наверное, была старая песня, напоминание о том, чтобы я не сворачивал с пути праведного. Или религиозный трактат. Я хотел уже бросить письмо в ящик для мусора, что стоял у печки. Но потом мне бросился в глаза адрес на конверте, и я вскрыл его. Из конверта выпали две десятидолларовые бумажки и одна пятидолларовая.

Свежесть после плавания как смыло. Моя кожа вдруг стала холодной и влажной. Я поднялся и поднес письмо к лампе. Сухими выражениями, свойственными Бет, в письме говорилось:

"Мой дорогой Чарли! Если бы была возможность, я бы встретила тебя, когда ты будешь выходить из тюрьмы. Но, к моему сожалению, один из нас должен работать. Поэтому я просто посылаю тебе 25 долларов на железнодорожный билет, так как у тебя, наверное, нет денег. Если ты будешь трезв по прибытии в Пальмето-Сити и готов вести нормальную жизнь, то есть быть таким человеком, каким я представляла тебя в момент нашей женитьбы, то я охотно поговорю с тобой о нашем будущем.

С сердечным приветом, Бет".

Потом она добавила в постскриптуме:

"Давай начнем все сначала!" Такое письмо было типично для Бет. Она была учительницей, и ее семья презрительно

сморщила носы, когда она вышла замуж за рыбацкого капитана, который не ходил в церковь, пил и жил в полуразвалившемся доме на острове.

Но Бет любила меня. Она прислала мне деньги, чтобы я смог к ней приехать. Она была готова начать все сначала. А я вот здесь, опять связался с Цо.

Она крикнула из спальни.

– Что случилось, капитан Чарли?

Я отпил еще глоток рома и попытался рассуждать трезво. Я поклялся Бет в любви до гроба. И я любил ее. И она любила меня. Какая будет у меня жизнь без светловолосой красавицы Бет? Да ничего не будет, потому что Цо лишь неполноценная замена той, которую я действительно желал, – Бет!

Может быть, она простит меня, поскольку теперь у меня в кармане сорок восемь тысяч? Я мог бы купить ей маленький домик в хорошем квартале Пальмето-Сити. Поступить на работу, которую она бы одобрила. Работать в магазине или маклером по продаже земельных участков. То есть быть таким, каким она хотела меня видеть.

Цо опять крикнула:

– Что случилось, дорогой?

Я честно ответил:

– Очень многое.

С письмом и бутылкой рома я пошел в спальню. Черные волосы Цо разметались по белой подушке, обрамляя лицо. Она лежала на постели и курила.

– В чем дело?

Я присел рядом с ней и пожелал себе, чтобы она не была такой соблазнительной и я никогда бы не был с ней знаком.

– Что? – повторила она.

– Прощу меня простить, но я – негодяй. И между нами все кончено. Начиная с этого момента. Я возвращаюсь в Пальмето-Сити к своей жене.

Цо рассмеялась.

– Ты шутишь. – Она пальцами погладила меня по голове. – Смеешься, так ведь?

Я покачал головой.

– Нет.

Цо убрала свою руку.

– Но почему?

Я протянул ей письмо Бет. Она читала его, держа руку с сигаретой на груди. Дымок от сигареты вился, как кружева, и поднимался вверх. Потом она посмотрела на меня.

– Это что, объяснение в любви?

– Бет всегда пишет в такой манере.

На миг я почувствовал неприязнь: Бет могла бы выразиться и более отчетливо. Хоть немножечко изменить свою манеру.

Цо снова прочитала письмо.

– Откуда оно у тебя?

– От начальника тюрьмы, – ответил я. – Оно все время было у меня в кармане, но я его не вскрывал.

Письмо словно притягивало Цо – она опять стала его читать.

– И это она пишет тебе после четырех лет разлуки? После прошедших четырех лет она готова говорить о вашем браке?

Я попытался найти новые извинения для Бет.

– Она не какая-нибудь легкомысленная женщина. Лечь с мужчиной в постель для нее совсем не просто.

– Глупости! – Цо бросила письмо на пол. – Эта женщина, с которой я вынуждена делиться, не любит тебя, капитан Чарли. – Ее пурпурные ногти впились в мою руку. А голос стал таким же страстным, как и глаза. – Я – женщина, и я знаю это. На ее месте я бы встречала тебя сегодня утром у ворот тюрьмы, даже если бы мне пришлось переспать с каждым в Гаване, чтобы достать деньги на проезд. – Слезы выступили у нее на глазах, но она их тотчас же смахнула. – Для меня это ровно ничего не значило бы, лишь бы сделать тебе приятное.

Я дал ей пощечину.

– Перестань болтать, как проститутка.

Ее взгляд стал гневным. Она вытерла щеку тыльной стороной ладони.

– Почему? Ты все равно считаешь меня такой.

Я попытался ей объяснить свое состояние, но не смог этого сделать. Все во мне словно перевернулось.

– Я когда-нибудь просила у тебя денег?

– Нет, – признался я.

Она прикурила новую сигарету от окурка старой и этим

напомнила мне о Шведе. Я протянул ей бутылку, она отпила из нее и возвратила мне. Я тоже пригубил немного и поставил бутылку на пол у кровати.

Потом Цо сказала более спокойным тоном:

– Будь благодарен, дорогой. Сколько ты можешь заработать рыбной ловлей? Даже если наймешь судно?

– Я бы мог заняться чем-нибудь другим.

– Чем?

– Торговать земельными участками.

– Только не смеди меня.

Меня рассердило ее замечание.

– И тем не менее я возвращаюсь в Пальмето-Сити. Прямо сейчас. И подыщу себе работу. Бет должна гордиться мной. Я перестрою старый дом на острове или куплю новый и воспитаю в нем пять или шесть рыжеволосых ребятишек.

Цо взяла меня за руку.

– Я тоже бы хотела иметь детей.

– Настоящих маленьких выродков.

– А ты любил бы их меньше? Если бы они были твои?

– Нет.

Она протянула мне руку.

– Иди ко мне...

Я выругался:

– Дьявол! Ты настоящий черноглазый дьявол!

– Зато нежный.

– Да, нежный, – пришлось мне признаться.

И вот она уже в моих объятиях. Она прижалась ко мне и запела:

– Люблю тебя, люблю тебя, люблю тебя!

Бет, ее письмо – ничего теперь не значили для меня. Абсолютно ничего.

Казалось, прошли часы, но вдруг глаза Цо расширились. Я думал, от страсти, но она в ужасе закричала:

– Нет, Боже мой, прошу! Нет!

Она обхватила руками мою голову, словно защищая.

Удар пришелся сбоку и дошел до моей головы через ее пальцы. Цо закричала от боли. Я резко повернул голову и увидел скудные очертания безликого лица, которое будто после пластической операции не носило очков. Бесформенная маска, не имеющая черт, только темные волосы на голове.

Потом снова мелькнула острота, которой человек пользовался как дубинкой. Еще теснее прижавшись к Цо, я словно скользнул по красной волне в бесконечность и откуда-то издалека я услышал крик: "Я люблю тебя, капитан Чарли!" А потом эта красная волна унесла нас в море. Прежде чем окончательно потерять сознание, я услышал выстрел, глухой и далекий, и Цо в моих руках обмякла.

4

Я пришел в себя и почувствовал, что мое лицо запуталось в водорослях. Я удивился, почему так темно. Хотел поднять голову, но не смог этого сделать. Возникла резкая боль. Но постепенно, частичка за частичкой, я восстановил ход событий.

Я лежал в маленьком домике в Дед-Менс-Бей. Керосиновая лампа в спальне не горела. Мокрые волосы оказались волосами Цо. Ее тело было мягким, но холодным. Ее пыл навсегда улетучился.

Я высвободил голову из ее волос, отвернулся, и меня тут же вырвало – между стеной и кроватью.

Я вспомнил, как прочел письмо Бет, сказал Цо, что между нами все кончено и я хочу вернуться в Пальмето-Сити. А потом Цо в объятиях. В последний раз.

Что же произошло потом?

Потом Цо закричала: "Нет! Боже мой, прошу! Нет!" Но избил-то меня не господь Бог. Я перегнулся через Цо и нашупал бутылку с ромом. Хороший глоток помог, смыл с моего лица запах волос Цо. Я сделал еще глоток. Потом заставил себя дотронуться до груди Цо: сердце ее не билось, она была мертва. Ощупью я нашел лампу, зажег спичку, все еще сидя на кровати, снял стекло и зажег ее.

Комната осветилась желтым светом. Мотылек, притяну-

тый светом, ударился о стекло лампы. Слышно стало жужжание mosкитов.

Не поворачиваясь, я мог только видеть руку Цо. Она свешивалась с кровати, и пальцы дотрагивались до рукоятки остроги, которой меня ударили.

Я поднял эту палку и взвесил ее на руке. Рукоятка была свинцовой и вполне могла меня убить. Но почему?

Я выпил еще глоток рома. Никаких иллюзий относительно Цо у меня не было. Я познакомился с ней в ночном клубе Гаваны, где она скрывалась под одним одеялом с гангстерами. И, несмотря на ее уверения, что она оставалась верной мне, все эти четыре года, пока я сидел в тюрьме, я сильно в этом сомневался. Ведь она была живым человеком.

Кто же был этот преступник? Скорее всего, это один из ее дружков меня избил, а ее даже убил. Но откуда он мог узнать, где мы остановились?

Несколько mosкитов нашли дыру в марлевой занавеске и уселись на мою голую спину. Тиканье часов действовало на нервы. Я огляделся и увидел невзрачный будильник, стоявший на туалетном столике. Я пробыл без сознания несколько часов – мы приехали сюда в семь, а сейчас без пяти двенадцать ночи.

Я все еще не решался посмотреть на Цо. Взяв бутылку и лампу, я пошел на кухню. Там пахло горелым и раскаленным металлом. Зеленый горошек в кастрюле давно превратился в уголь. Кофе в кофейнике весь выкипел, а плитка раскали-

лась докрасна.

Я выключил горелки и поставил бутылку и лампу на кухонный стол рядом с продуктами. Моя одежда по-прежнему валялась на полу, где я ее оставил, уходя купаться.

Я подошел к двери и посмотрел сквозь решетку в душный мрак флоридской ночи.

Залив мирно мерцал в лунном свете – серебристая полоса до самого Окатана. Канареечный "джип" стоял под соснами, словно подсказывая мне путь к свободе.

В горле пересохло. Никуда мне больше не придется ехать. Со мной ловко расправились после шестнадцати часов свободы. Я снова взял лампу и вернулся в спальню.

Цо лежала на спине с открытыми глазами. В ее левом виске была маленькая дырочка.

Я сел на кровать рядом с ней и взял ее свисающую руку. Четыре пальца были сломаны, это она пыталась защитить мою голову. На другой руке – та же картина. Они приняли всю силу ударов. Если бы не Цо, я был бы тоже мертв.

С лампой в руке я осматривал комнату. Один из стульев валялся на полу, солнечные жалюзи были полусорваны, на ковре валялась еще одна разбитая бутылка из-под рома.

– Прости меня, Цо, – сказал я.

Потом я вернулся в кухню и поднял с пола свою куртку. Она была тяжелее, чем раньше. В правом кармане лежал револьвер – несомненно тот, из которого была убита Цо. Я сунул револьвер обратно в карман, бросил куртку на пол и стал

одеваться. Потом выпил еще рому.

Я мысленно представил газетные полосы: недавно вышедший на волю заключенный и его девушка сняли уединенный домик на берегу Залива, чтобы отпраздновать освобождение. Потом они напились и повздорили. Цо огрела меня гарпуном, а я застрелил ее.

Сунув сигарету в рот, я чиркнул спичкой, но прикурить забыл. Спичка, догорев у меня в руке, обожгла пальцы. Я даже не заметил этого.

Комок в горле чуть не задушил меня. Значит, я теперь убийца.

Ничего иного доказать невозможно. Все было против меня: надзиратели видели, как мы садились в "джип", кельнерша из Гейнсвилла сервировала наш стол. Продавец рома из Кросс-Сити тоже покажет, что он нас видел вместе, а в продуктовой лавке скажут, что я был в подпитии.

Моему же рассказу никто не поверит. Деньги остались у меня в кармане. Цо не была изнасилована, а я не мог описать человека, поскольку видел только его силуэт. А ведь еще недавно я говорил Цо, что вернусь в Пальмето-Сити, подыщу себе какую-нибудь работу, и Бет будет мною гордиться. Я построю дом или куплю новый, где воспитаю пять или шесть рыжеволосых детишек.

Смешно об этом думать.

В домике стало удушающе жарко. Я поднял с пола рубашку, вытер пот на груди и отбросил ее в угол, но тут же поднял

и надел ее, хотя никакой разницы не было: все равно весь дом испещрен отпечатками моих пальцев.

Я снова глотнул рому и подумал о сеньоре Пезо. Интересно, знала ли его Цо? Я должен был спросить у нее, кто этот человек. Она бы сказала, если бы знала. Но если он до сих пор не появился, то вряд ли можно ожидать в дальнейшем его появления.

Цо сказала мне немного. Посоветовала не делать ложных выводов: меня никто не бросал на произвол судьбы. Сеньор Пезо не мог выступить на моем процессе, не подвергая опасности свою организацию. Все это логично. Тем более он подтвердил сказанное большими деньгами. И это означало, что он крупная величина, возможно, международного значения. А я лишь маленькое колесико в его механизме. Но тем не менее он мною дорожил. Почему? Я знал не более десятка капитанов рыболовецких судов, которые так же хорошо знали Мексиканский залив и Карибское море, как я.

Мокрый от пота, я опять вернулся в спальню и посмотрел на Цо: холодная и спокойная.

Потом позади меня раздался металлический звук. Я тут же бросился на пол, но в следующее мгновение понял, что это всего-навсего будильник. Кто-то поставил его на двенадцать часов.

Я поднялся и выключил его. И вспомнил Шведе. Старик был во многом прав. Если бы я его послушался, не оказался бы сейчас в таком положении. Если бы я вскрыл письмо Бет

еще в кабинете начальника тюрьмы, мне было бы совершенно безразлично, ждет меня Цо или нет.

Я был бы сейчас в Пальмето-Сити, в объятиях Бет. А может, нет? Если бы я понимал женщин так же хорошо, как рыб. Меня начали мучить сомнения. Я видел перед глазами Цо, бросившую на пол письмо Бет.

"Эта женщина, с которой я должен делиться, не любит тебя, капитан Чарли".

Я поднял письмо с пола и прочел еще раз. Оно было удивительным для женщины, которая якобы любила своего мужа. Если я буду трезв... если я буду готов вести нормальную жизнь... Она ставила условия и ограничения на брачных узах. Даже фраза: "Мы начнем жизнь сначала" имела неясный подтекст.

Я смял письмо и выбросил его. Посмотрел на часы.

Почему я должен отвечать за несовершенное убийство? Ведь не я же убил Цо. Но я и не знал, кто это сделал. На банковской книжке, которую дала мне Цо, лежало сорок восемь тысяч, о которых закон ничего не знал. Если мне удастся добраться до Кубы, появятся шансы спастись.

Я потуже затянул ремень. Надо бежать, ничего не поделаешь. Приняв такое решение, я почувствовал себя лучше. Рук закона могла до меня добраться, но могла и промахнуться. Правда, тогда полиции придется организовать самую дикую охоту на человека, которую когда-либо знало западное побережье Флориды.

5

Судя по всему, я потерял много времени. По занавескам скользнул слабый луч. Это могло означать лишь одно: к домику приближалась машина.

Я погасил лампу и вышел из дома. Свет действительно исходил от фар машины, которая находилась в метрах четырехстах от дома. Я быстро отбежал в сторону и стал ждать в тени большой сосны, держа руку в кармане. Может быть, это возвращается убийца.

Но это была полицейская машина с двумя полицейскими в форме. Водитель снизил скорость, когда проезжал мимо желтого "джипа", и остановился перед домом.

– Все выглядит довольно мирно. Вероятно, ложная тревога, – сказал один из них, сержант.

– Возможно, – ответил шофер. Он повел прожектором машины и чуть не засек меня. – Кто здесь живет?

Сержант этого не знал.

– Насколько мне известно, он был сдан в аренду и принадлежит какому-то человеку из Кросс-Сити.

Шофер направил прожектор на побережье.

– Довольно пустынное место. Ну, давай, постучи и спроси, все ли там в порядке.

Сержант забарабанил в дверь.

– Полиция!

Не получив ответа, он застучал снова.

Не дождавшись, он открыл дверь и исчез в домишке. Мгновение спустя он тихо присвистнул. В спальне зажегся свет – он засветил лампу.

– Что-нибудь нашел? – окликнул его водитель.

– Очень многое! – крикнул сержант из домика. – Рыбак, звонивший в участок, не шутил. Она кричала, но теперь тиха, как мышка. Убита.

– Каким образом?

– Выстрелом в голову.

– Черт возьми.

– А до этого была жестоко избита.

Я взмок от пота, ожидая, чтобы шофер вышел из машины и дал мне возможность незаметно ускользнуть. Но вместо этого он заговорил по радиотелефону.

– Здесь Канисс и Филипс. Относительно телефонного звонка из Дед-Менс-Бей. В домике, из которого слышали крик, найдена мертвая женщина. Филипс говорит, убита выстрелом в голову.

Я сразу понял: ближайший дом находится на расстоянии не меньше мили, и поэтому никто не мог слышать, как кричала женщина. Если бы Цо действительно кричала. А она только воскликнула: "Нет, Боже мой! Нет!" Значит, в полицию звонил тот, кто ее убил. Он действительно хотел расправиться со мной – любым способом.

В радиотелефоне что-то щелкнуло, и шофер крикнул сер-

жанту:

– Какие-нибудь следы убийцы есть?

– Очень много, – раздалось в ответ. – Видимо, здесь здорово резвились. На полу осколки бутылки с ромом, стул перевернут. Думаю, обычное пьянство. – В голосе полицейского слышались нотки сожаления. – Редко приходится иметь дело с такими делами, а девочка-то красивая.

– Опиши ее.

– Рост – сто шестьдесят, вес – килограммов пятьдесят, плотная, черноволосая, черные глаза, родинка под правой грудью. Вероятно, кубинка. Шофер передал описание по телефону, а потом крикнул:

– Поищи ее сумочку, а я тем временем передам номер машины. Странно, что убийца не укатил на машине. Может быть, он где-то валяется пьяный?

Пока шофер передавал номер по телефону, сержант обнаружил сумочку и крикнул:

– Я был прав, она кубинка. Зовут ее Цо Пальмира. Есть авиабилет из Гаваны в Пальмето-Сити.

– Еще что-нибудь?

– Нет, все.

Шофер передал информацию, вышел из машины и крикнул сержанту:

– О'кей, теперь ты знаешь, как выглядят женщины. Все они одинаковые. Поэтому давай займемся поисками убийцы. Пока подъедут другие.

– Ты действительно думаешь, что он где-то здесь? – спросил сержант.

– Трудно сказать, как поведет себя пьяный.

Они стояли в нерешительности, освещая своими фонариками деревья. Потом у меня появился первый шанс. Шофер, уже пожилой человек, сказал:

– Вот что я скажу, Джо. Ты посмотри на берегу, а я обойду вокруг дома. Оружия там нет?

– Нет.

– В таком случае будь осторожен. Особенно если наткнешься на этого негодяя.

Сержант отправился по тропинке к морю, а шофер пошел вокруг дома, и я понял, что он должен наткнуться на меня. Я вынул револьвер и прижался к стволу. И когда он проходил мимо, выскочил и, ткнув его дулом в бок, сказал:

– Не поворачивайся и не кричи, тогда с тобой ничего не случится.

Он был разумен и послушался моего приказа.

– Ты не глупи, приятель, я ведь из полиции.

– Я знаю, откуда ты. Брось оружие. – Он помедлил. – Я ведь могу и выстрелить, – продолжал я. – Мне не трудно.

Он бросил револьвер. Я поднял его и сунул в карман куртки.

– Что теперь? – спросил он.

– Медленно иди к машине, подними капот и оборви кабель зажигания.

Он покачал головой.

– Тебе это не поможет, приятель. Сюда уже мчатся три машины, полные полицейских.

– Я слышал ваш разговор по телефону, – сказал я. – Иди!

Он шел медленно, едва шевеля ногами и обильно потея. Добросовестный легавый.

– Зачем ты ее убил?

– Это сделал не я.

– Кто же?

– Не знаю, какой-то человек, забравшийся в дом.

– И ты думаешь, я тебе поверю?

– Нет, не думаю.

– Почему бы тебе не отложить оружие и не поговорить мирно?

– Не выйдет, делай, что я приказал.

Он открыл капот и замер. Тогда я сделал за него все, что хотел: перервал все провода, которые только нашел. Он заметил с угрозой:

– Ты же себе делаешь хуже.

Я ответил:

– Хуже некуда. А теперь иди к "джипу".

– А что будет, если я крикну коллегу?

– Переломлю тебе позвоночник.

Он пошел к "джипу". Левой рукой я провел по щитку приборов и убедился, что ключ на месте.

– Что дальше? – спросил он.

Я подумал, не взять ли его с собой, но потом решил иначе.

– Ложись на землю, лицом вниз.

Лунного света было достаточно, чтобы заметить, как покраснели его уши.

– Вариться мне в аду, если я соглашусь! – рывкнул он и вдруг крикнул изо всех сил: – Джо!

После чего больно ткнул меня под дых.

Я, конечно, мог бы его убить, но не стал этого делать. Я ведь ничего не имел против шофера полиции, исполнявшего свой долг. Поэтому я оглушил его револьвером по голове. Но он, падая, ухватил меня за ногу.

– Джо!

Я кинулся на него, но он был силен, и уже через миг я едва не взвыл от боли. Забыв про оружие, я врезал ему левой в подбородок, а потом ткнул коленом в желудок. Он крякнул и тут же потерял ко мне всякий интерес.

Я поднялся и, чувствуя тошноту, заковылял к "джипу". Сев за руль, увидел на тропинке сержанта, бежавшего с пистолетом в руке. Но стрелять он почему-то не решался.

– Бен! – крикнул он.

Шоферу удалось привстать.

– Пристрели эту собаку! – прокричал шофер.

Ветровое стекло "джипа" разлетелось после первого же выстрела, затем последовал второй. Мне было так же плохо, как и полицейскому, но тем не менее я рванул машину. Шофер кинулся мне наперерез.

Я, сам того не желая, ударил его бампером. Кустарник затрещал от его падения, а я быстро повел машину по изъезженной дороге в сторону шоссе. Сгибаясь за рулем от следующих один за другим выстрелов, я мчался, сбивая ветки деревьев. Наконец появилось шоссе. У меня в выигрыше осталось минут пять – десять. Я, правда, перервал у них провода, но радиотелефон, возможно, еще работал. И, вполне вероятно, сюда действительно уже мчались три патрульные машины, набитые полицейскими. Я понятия не имел, с какой стороны они должны появиться. Скорее всего, через несколько минут все окрестные дороги будут перекрыты, а все полицейские Флориды будут оповещены, что на "джипе" 4-1153 канареечного цвета удирает убийца.

Я вспомнил, что в восьми милях прямо по шоссе находится маленький городок, и не ошибся. В магазинах, кроме заправочной станции, свет был погашен.

Проезжая мимо, я резко обогнал какого-то пожилого туриста в "бьюике", бросившего на меня злой взгляд.

Я прибавил скорость, направляясь к окраине города и к мосту через реку. Перед мостом было пустынно. Я свернул с дороги, вышел из машины и стал ждать "бьюик". Турист вскоре затормозил у моста.

– Черт возьми, парень, – сказал он. – Я еще раньше подумал, что вы гоните слишком быстро. Ну, что случилось? Не справились с управлением?

Я подошел к его машине.

– Можно сказать и так.

Распахнув дверцу, сел рядом с ним и ткнул ему в ребра дулом револьвера.

– Давай вперед! Как быстро идет ваша машина?

Он посмотрел на оружие и судорожно сглотнул.

– Иногда доводил до ста миль в час.

Я покачал головой.

– О, нет! Сейчас надо выжать все, на что она способна. А способна она на все сто шестьдесят. Мне надо успеть, пока не перекрыта дорога у 19-го шоссе. В противном случае, может возникнуть перестрелка. Значит, надо опередить их.

Пожилой турист поднял голову. Я знал, о чем он думает. Он не хотел терять свою машину и не хотел умирать. А это было возможно, если он не подчинится мне.

– Кажется, у меня небольшой выбор?

– Вообще никакого.

И он нажал на педаль. Страх и любопытство были в его глазах. К тому же турист оказался отличным водителем.

– Неприятности с полицией?

– Угу.

– Что вы натворили?

Объяснять ситуацию было бессмысленно.

– Убил женщину, – сказал я.

Турист воспринял это спокойно и сделал поворот на скорости сто десять миль в час.

– Я не знаю подробностей, но есть довольно много жен-

щин, которые лучшего и не заслуживают, – пробурчал он.

6

19-е шоссе перекрыто не было. Значит, мы имели некоторое преимущество перед полицией. Турист замедлил скорость, посмотрел на оружие и спросил:

– Куда?

– На юг.

Он что-то пробормотал себе под нос, но послушался. Похоже, что, несмотря на страх и нервозность, он наслаждался ситуацией: первый раз в жизни он нарушал закон, и где-то в глубине души ему это нравилось.

Я сказал:

– А теперь поезжайте со скоростью восемьдесят миль в час, пока я не прикажу добавить газу.

– И долго?

– Я скажу.

Шамрок и Кросс-Сити лежали в темноте, если не считать нескольких ночных вывесок в магазинах и бензоколонках. У меня снова комок подступил к горлу, когда проезжали мимо продуктового магазина, в котором мы делали покупки. Всего несколько часов назад Цо была жива и думала обо мне, а я этому не придавал значения. Она не терпела зеленый горошек, но я его любил, и она купила его.

"Нет! Боже мой, прошу! Нет!" – воскликнула она и защитила мою голову своими руками. А потом, когда красная

волна уносила нас в море, она прошептала последние слова: "Я люблю тебя, капитан Чарли!"

Я вытер тыльной стороной ладони глаза.

– Что случилось? – спросил пожилой человек.

– Я плачу.

– Вы ее любили?

– Да, наверное.

Мы оставили позади себя Ойгене, Олдтаун и Наинин – и везде дорога не была перекрыта. Но счастье не могло продолжаться вечно. Вокруг нас кипела работа. А полицейские, поднятые по тревоге, разрабатывали планы. Вахмистры маленьких городов, смахнув из глаз сон, выводили свои машины со стоянок. И на всех радиоволнах передавалось мое описание: рыжеволосый, веснушчатый, вес около девяноста килограммов, сидит за рулем желтого "джипа", разыскивается по подозрению в убийстве и сопротивлении полиции. При аресте быть осторожными, преступник вооружен.

В домике уже, наверное, полным-полно полицейских. Через несколько минут радиоинформация добавит мое имя и биографию: разыскивается по поводу убийства Чарльз Уайт, выпущенный вчера утром из Райфорда после отбытия четырехлетнего заключения. Возможно, находится по дороге Пальмето-Сити. Он вооружен и опасен.

Я бегал по радиошкале "бьюика", но не нашел ничего, кроме кубинских станций, которые рекламировали какие-то витамины.

Пожилой водитель искоса посмотрел на меня.

– Полицейское радио этим приемником не поймать.

– Это я уже понял, – ответил я и выключил приемник.

В окне я увидел, как заходящая луна скользнула от вершины одной сосны к другой. До пальм мы еще не добрались. Я хотел составить конкретный план, но не мог этого сделать. Знал лишь одно: мне нужно попасть в Гавану. Там меня ждали сорок восемь тысяч долларов. Кроме того, там, возможно, удастся связаться с сеньором Пезо. Если я и раньше представлял для него ценность, то теперь вообще неоценим. Люди, которых разыскивают по поводу убийства, не задают вопросы о вознаграждении. Им нечего терять.

Остались позади Чифленд, Отер, Крик, Лебанон, так же как Ойгене, Олдтаун и Наинин, и тем не менее я, как говорится, был в цейтноте. Когда мы проезжали через Лебанон, в помещении местного шерифа уже горел свет, и зевающий полицейский, который как раз надевал пояс с оружием, внимательно посмотрел на нашу машину. Розыск, значит, уже начался. В Инглисе дорога, возможно, будет перекрыта. Несомненно, "бьюик" видели и другие люди. До сих пор меня спасало лишь то обстоятельство, что я освободился от "джипа".

Впервые я обратил внимание на то, что до сих пор тяжело дышу, а водитель еще и подсыпал соли на рану:

– Время поджигает, не так ли?

Я лишь прорычал в ответ:

– Заткнись, ради Бога, заткнись!

Он отвернулся.

– Зачем так злиться, просто я констатирую факт.

Я попытался сосредоточиться. Долго мне нельзя оставаться в "бьюике". В какой бы машине я ни сидел, меня задержат на первом же посту.

В Пальмето-Сити я знал полдюжины капитанов рыболовецких судов, которые за хорошие деньги переправили бы меня в Гавану. Это относилось также к Сарасоте и Форт-у-Майерс. Поскольку Бет жила в Пальмето-Сити, поиски сконцентрируются в этом городе. Лучше для меня было пробраться в центральную часть штата, а оттуда податься на Запад, если только я минуя Тампо-Бей.

Восточнее Инглиса должна находиться развилка, ведущая в Янки-таун и Батлахохоте-Бей. Когда я еще работал, запасался там льдом.

– Теперь недалеко, старина, – сказал я.

Он посмотрел на меня, подняв седые брови.

Я pokrивил душой:

– В Батлахохоте-Бей меня ждет судно.

– Вот как? – сказал он, пытаюсь говорить спокойно.

Мы проехали через Инглис, маленький поселок, насчитывающий не более двухсот жителей. Но главный перекресток был освещен, и за ним я мог рассмотреть блестящую черно-белую машину.

– Стоп! – приказал я ему. – Сворачивайте направо и вы-

ключите огни.

Он повиновался. Он тоже был в большом напряжении и тяжело дышал.

– Что дальше?

– Выходите! – сказал я. – Свою машину найдете в Рики-Тайне без повреждений. Это в трех милях отсюда, у устья Батлахохоте-Ривер.

Он было запротестовал:

– Но я ведь...

Я ткнул его револьвером в бок:

– Быстро!

Было бесполезно говорить ему, чтобы он придерживал язык. Он охотно пообещал бы, но все равно не выполнил бы своего обещания.

Пожилой человек неохотно вылез из-за руля и впервые дал выход гневу:

– Поганый убийца! Буду надеяться, что тебя поймают и посадят на электрический стул.

Как Шведе. Мои руки были мокрыми от пота. Я сел за руль и без ответа поехал дальше в поисках съезда с дороги. Я уже подумал было, что ничего не найду, но через два дома увидел узкую грязную дорогу, с обеих сторон обрамленную высокими кустарниками. Я проехал вглубь, остановил машину и прислушался. Было тихо. Пожалуй, никто не видел, как я свернул на проселок. Я отошел несколько шагов от машины и внезапно почувствовал, как в мою ладонь уткнул-

ся чей-то мокрый холодный нос. Это была собака. Я нагнуллся и потрепал ее по спине. Добродушная, мирная и приветливая псина. Я почесал у нее за ушами и отправился к дороге.

И вскоре увидел, как фары машины осветили тщедушную фигурку моего туриста. Скрипя покрывками, машина остановилась около него, и плотный шериф, которого я видел в Лебаноне, сунул ему под нос свой револьвер.

Я находился еще слишком далеко, чтобы слышать их разговор, но по жестам туриста понял, что тот рассказывал шерифу о лодке. Потом турист сел в его машину.

Я надеялся, что шериф будет действовать согласно полученной информации. Так оно и случилось. Но он был умным шерифом, и на тот случай, если я вернусь, он оставил полицейского охранять 19-е шоссе.

До рассвета я был в безопасности. Потом кто-то найдет "бьюик", и на меня снова начнется охота.

Я пошел по шоссе в сторону Даннеллона, который находился в пятнадцати милях. На 41-м шоссе было довольно интенсивное движение – в основном грузовые машины. Если повезет, меня может кто-нибудь подбросить. Если нет, придется украсть машину.

Я шел и шел в лунном свете и думал, как быстро могут меняться моральные устои человека. Сутки назад меня шокировала бы сама мысль о краже машины, а теперь это был вопрос жизни и смерти. Я совсем не собирался садиться на электрический стул за убийство, которого не совершал.

Здесь, дальше от побережья, было душно. Я снял свою куртку и повесил ее на руку. Но пришлось снова надеть ее из-за moskitov, которые налетали с болота, тянувшегося по обеим сторонам дороги. Пот градом катился по лицу. Прохладный, свежий ветер с залива принадлежал, как и Цо, прошлому.

Временами я проходил мимо ферм. Дважды выбегали собаки и лаяли на меня, а я все шел и шел, не решаясь остановиться. Потом, находясь на возвышенности, я увидел, как по дороге приближается машина. Я затаился в канаве. Машина ползла медленно. Это был грузовик с двумя работниками фермы. Они ехали, виляя и не подозревая, что будут скоро задержаны из-за того, что вели машину в нетрезвом состоянии.

В канаве росла высокая трава и было попрохладнее. Я сидел в ней довольно долго, размышляя, может ли мужчина любить одновременно двух женщин. Пытался представить себе нежную красоту блондинки Бет и стыдился своих мыслей, поскольку испытывал к ней физическое влечение несмотря на все, что произошло. Как счастливы мы могли быть с Бет, если бы она относилась ко мне так же, как Цо.

Но Бет всегда вела себя сдержанно. Сексом мы занимались только по вторникам и пятницам. Я положил руки и словно услышал голос Бет: "Ты же знаешь, что мне завтра рано вставать на работу".

Бет всегда немножко стыдилась того, что вышла замуж за

капитана рыболовецкого судна. Ее семья жила в "хороших условиях", и для Бет была важна материальная сторона жизни: современный дом с дорогой мебелью, уважение соседей, солидный счет в банке. Требования, явно для меня завышенные.

До того, как я начал работать на сеньора Пезо, я мог ей предложить всего лишь старый дом на острове, кишасий змеями, хороший бифштекс в отеле да кашу на следующий день. Она даже вынуждена была пойти работать к мистеру Клифтону, чтобы иметь возможность обеспечить себя личным гардеробом.

Это чудо, что она вообще мне написала. Конечно, ее это не особенно воодушевляло, но тем не менее факт оставался фактом: она считала, что мы могли бы начать все сначала, послала мне двадцать пять долларов, чтобы я смог добраться к ней. Я чересчур гордился собой, когда читал ее письмо, а рядом находилась девушка, которая действительно ждала меня. Теперь она мертва, а я скрываюсь от полиции.

Я был честен по отношению к самому себе: я скрывался не потому, что боялся смерти, а потому, что считал себя обделенным. Ведь в Гаване меня ждет сорок восемь тысяч, и я хотел прожить еще какое-то время вольготно.

Жара совсем донимала меня, что я за человек?

Я бы с удовольствием поговорил с лейтенантом Кеном Джилли. Он работал в полиции Пальмето-Сити. Мы давно были друзьями. Его семья тоже какое-то время жила на ост-

рове. Кен был умным человеком, посещал колледж и казался мне таким же опытным, как Шведе.

Полиция искала меня, она искала убийцу. Если бы я предстал перед ним и рассказал свою историю, он, возможно, поверил бы и стал бы искать того человека, который убил Цо. А я торжественно обещал бы любить Бет и заботиться о ней. И с моими сорока восемью тысячами она больше не будет иметь забот.

Москиты выгнали меня из мокрой травы.

Как бы то ни было, я теперь знал, чего не хотел: провести хотя бы минуту в тюрьме. Я уже достаточно насиделся. Хватит на всю оставшуюся жизнь. Надо добраться до Гаваны.

Это нелегко. На меня ополчилась вся полиция. Они знали мое имя, мои привычки, мою внешность. И если кто-нибудь пристрелит меня, то будет выглядеть героем. Если же я убью кого-нибудь из них, то буду считаться двойным убийцей. Сейчас между мной и Ки-Уэст расстояние в пятьсот семьдесят две мили, потом еще девяносто морских миль до Кубы.

И я зашагал по дороге, сжимая в кармане револьвер, из которого была убита Цо.

На вывеске написано: "Добро пожаловать в Даннелон с его 1344 жителями". Тяжело дыша, я остановился и посмотрел на восток, где начинала заниматься заря. Скоро будет совсем светло. Я мог это понять и по внезапно установившейся тишине, и по запаху, распространяющемуся в воздухе.

Мои сапоги, сделанные в тюрьме, натерли мне ноги. Я снял их, носки и пошел босиком по тихим улочкам, посматривая по пути на машины, которые я мог бы украсть. Большая часть Данеллона еще спала, но кое-где в окнах уже загорелся свет.

Перед белым деревянным домом, в двух кварталах от границы города, стоял "понтиак". Я попытался включить зажигание, но руки мои дрожали так сильно, что я не мог соединить контакты. Я трижды пытался это сделать, но пальцы слиплись от пота. На дереве, под которым стояла машина, прыгала семья белок. Улица серела в утренних сумерках.

Я побрел дальше, держа сапоги в руке и избегая центральных улиц. Я высматривал машину, в которой бы торчали ключи зажигания, но таких не было. А во многих домах загорался свет. Отцы семейств, сладко зевая, выходили на порог дома, чтобы забрать утренние газеты.

Улица кончилась, и я снова очутился на проселочной дороге. Хотел было вернуться, но пошел дальше, мимо свалки

мусора, и, пройдя милю, набрел на 41-м шоссе на открытую закусочную для водителей грузовиков.

Перед ней стояли четыре грузовика с прицепами. Три из них принадлежали известным фирмам по перевозкам, а на четвертом стояло "Джим Келли Элира, штат Огайо".

Рядом с закусочной протекал небольшой ручеек. Я обмыл ноги и надел носки и сапоги. Потом посмотрел на машины. Ключей у них не было. Я отчетливо чувствовал запахи сала, яиц и кофе. Я ничего не ел со вчерашнего полдня. Нащупав в кармане деньги, я раздумывал, войти или нет.

Дверь закусочной открылась, оттуда вышел небритый человек в костюме цвета хаки и стал задумчиво осматривать изношенные покрышки одного из грузовиков. Глаза его были опухшими и красными. Выглядел он очень усталым.

Видимо, он предположил, что я – шофер из другой машины, и коротко кивнул мне, пожелав доброго утра. Я ответил на приветствие и вошел в закусочную.

В помещении громко гудел большой вентилятор, но было еще более душно, чем на улицах. Три шофера со своими сменщиками сидели на табуретках и с аппетитом ели. Немного подальше лениво ковыряли вилками две парочки, видимо, туристы.

Парень за стойкой был такого же огромного роста, как и шериф в Инглисе. Рубашка его была расстегнута, а рукава закатаны, открывая татуировку: орел на фоне леса.

Я заказал яичницу с ветчиной и пудинг и прошел к умы-

вальнику, чтобы освежиться. На затылке налипла засохшая кровь. Я отмыл ее, сполоснул лицо и пригладил водой волосы. Ноги болели, в голове гудело, но выглядел я не так уж плохо. В зале я сел за стойку, а плечистый блондин придвинул мне заказанное. Все было очень жирное, но выглядело неплохо и на вкус как раз то, что надо. Именно в такой пище я и нуждался.

Туристы расплатились и ушли, оставив массу объедков. Хозяин закусочной плюнул им вслед и кивнул мне, показывая в тарелку:

– Ну, разве не вкусно?

– По-моему, вкусно.

– И я тоже так считаю. А им – не нравится. Прямо беда с этими туристами.

Я заказал еще порцию кофе. Шофер в костюме цвета хаки вошел в закусочную и опустил несколько монеток в телефон-автомат. Три других шофера закончили свою трапезу и вышли.

Хозяин взял оставленные деньги и побряцал ими.

– Понимаете, что я имею в виду? Вот эти – настоящие парни! Всякий раз полдоллара на чай, даже если брали только кофе с бисквитом. И всегда едят все, что им предлагают. Некоторым этим проклятым туристам следовало бы поучиться у них.

Монолог хозяина не заинтересовал человека в хаки. Мне тоже было безразлично. Несмотря на духоту, моя рубашка

на спине была холодной и влажной. Надо перебираться через полицейский кордон, а это дело нелегкое.

Шофер в хаки тоже заказал себе кофе.

– Никакого груза, Келли? – спросил его хозяин.

– Нет, – Келли посмотрел на часы. – Даю им еще десять минут, а потом поеду порожняком в Форт-Майерс. Там я должен получить партию огурцов и помидоров. – Он показал пальцем на окно, за которым начало уже рассветать. – Крупные фирмы разоряют нас, одиночек. Я работаю только на шинную фабрику и финансовое агентство.

Хозяин рассмеялся.

– Мне бы твои денежки.

Я подумал, что, если бы смог добраться до Форты-Майерс, можно было бы считать, что я почти в Гаване. Слип и Гарвей стояли на якоре в этом порту и доставили бы меня в Гавану за пятьсот долларов.

– Недавно приехали? – спросил я у шофера.

Келли кивнул.

– Да, еду из Чикаго в Лейк-Сити. Меня должен был ждать груз, но с этими парнями у меня и раньше были неувязки. Поэтому и остался на 41-м.

Он снова заказал чашку кофе. Я сказал:

– Мне ведь тоже надо в Форт-Сити. Я бы охотно тебе заплатил, если ты возьмешь меня с собой.

Шофер растер покрасневшие глаза.

– А за баранку моей колымаги сесть можешь?

Я честно ответил:

– Никогда не доводилось водить.

Он потерял ко мне интерес.

– Жаль, – сказал он и допил кофе. Потом снова стал звонить по телефону. Он был настойчивым парнем.

– Им-то хорошо, – закончил он свой разговор и вышел из закуской. – Полупорожняком я в Нью-Йорк не поеду. Не оправдаю даже расходы на бензин и масло.

– Я заплачу тебе пятьдесят долларов, если подкинешь меня в Форт-Майерс, – пошел я за ним.

Келли открыл дверь кабины.

– А почему ты не хочешь ехать автобусом?

– Потому что мне хочется ехать с тобой.

Его хитрые глазки посмотрели на мой сшитый в тюрьме костюм.

– Только что выпустили, сынок?

Это был мой последний шанс. Я решил быть честным по отношению к нему.

– Угадал, вчера утром.

– И они снова гонятся за тобой?

– Да как сказать...

– Ты серьезно собираешься заплатить пятьдесят долларов?

Я вытер пот со лба:

– Да.

– Дай взглянуть на деньги.

Я вытащил свои деньги и отсчитал пять десятков. Келли взвесил их в руке и посмотрел на меня.

– Что ты натворил?

Я солгал:

– Ничего особенного. Мелкое воровство. Но я отпущен под опеку и не хотел бы снова сесть.

Он сунул деньги в карман.

– О'кей! Рискну. – Он показал на доску позади сиденья. – Лучше останешься в спальном отделении, пока мы не отъехали некоторое количество миль.

Я быстро вернулся в закусочную и расплатился. Потом уселся на то место, куда показал Келли, боясь, как бы он не передумал. Заводя машину, он сказал:

– А на полицию мне плевать. У них всегда одна песня. Особенно в Алабаме, Флориде и Джорджии.

Он вырулил свой грузовик на шоссе и прибавил скорости.

– И занимай меня разговорами, – добавил он. – Это будет лучше, чем твои деньги. Я уже давно не спал и могу заснуть за рулем.

Я разулся и спросил, о чем мне говорить.

– Если не тайна, где сидел? – спросил он.

– В Райфорде.

– И сколько?

– Четыре года.

– За что?

– За контрабанду.

– Мне думается, это государственное дело.

– Так оно и есть.

– Почему же ты тогда сидел в местной тюрьме?

Я поудобнее расположился на ложе. Это было приятно.

– Потому что я хорошо зарекомендовал себя во время войны. А так как это был мой первый проступок, осудили меня за сопротивление береговой охране, которая поднялась на мой борт.

Келли посмотрел на меня в зеркальце заднего вида.

– На борт? Значит, ты моряк?

– Можно сказать и так. У меня было двухмоторное рыболовецкое судно.

– Черт возьми! – вырвалось у него. – И что случилось с этим судном?

– Конфисковали.

Этот факт в какой-то мере сблизил нас.

– Какие негодяи! – выругался он. – Не люди, а дерьмо собачье! Это все равно, что конфисковать мою машину! Сурово!

– Конечно, сурово. Судно стоило мне больше десяти тысяч долларов.

Поездка на грузовике со скоростью почти сто миль в час ощущалась как качка на корабле в Мексиканском заливе, а восходящее солнце, бившее своими лучами в металлическую крышу, убаюкивало меня. Но я боролся со сном, так как мне нельзя было спать.

Я лег на левый бок, опершись головой на локти, и револьвер в моей куртке уперся мне в бок. Я оправил куртку и окаменел: где-то позади нас взвыла полицейская сирена. Машина быстро приближалась и вскоре обогнала нас со скоростью приблизительно сто тридцать миль в час. Я снова улегся и облегченно вздохнул.

Теперь уже Келли не был так любезен.

– Случайно, не тебя ищут, приятель?

Я попытался спокойно ответить.

– Нет, не меня. Не такая я уж важная птица. – Потом я спросил его, есть ли у него в машине радио.

Он ответил:

– Есть, но включать его не буду. Оно только вгоняет в сон.

– И все-таки включи, – попросил я. – Интересно, что там передают.

Он включил радио и покрутил шкалу. Как раз передавали последние известия. Диктор монотонно читал:

"...и если вы увидите этого человека, немедленно свяжитесь с ближайшим полицейским. Повторяем описание: рыжие волосы, рост 180 см, вес около 90 кг. Когда его видели в последний раз, на нем был синий костюм из саржи, пошитый в тюрьме, белая рубашка и зеленый галстук. Головного убора нет. Его шляпа была найдена в домике, где он убил свою подругу. И еще одно важное замечание: не пытайтесь его задержать самостоятельно. Убив однажды, он не остановится и перед вторым убийством. Держите свои приемники вклю-

ченными, чтобы иметь возможность следить за розыском".

Келли выключил радио и встретился в зеркальце с моим взглядом. Теперь он не казался усталым. Хотя он и фыркнул, но был скорее оскорбленным, чем испуганным, когда увидел оружие в моих руках.

– Черт возьми! – прошептал он. – Я спросил, что он натворил, и он сказал: только мелкое воровство, ничего особенного.

8

Когда мы добрались до Тампа, не было еще и девяти часов. Мы проехали мимо двух постов: один был на перекрестке Флорида-48 и Фледран-Сити, в восемнадцати милях южнее Даннеллона, другой – непосредственно перед Тампа. Полицейские спрашивали Келли: "Вы видели рыжеволосого человека, рост 180 см, вес – 90 кг. Носит, предположительно, синий костюм из саржи и белую рубашку. Без шляпы. Может, он пытался "голосовать"?" Оба раза Келли показывал на табличку, что машина "голосующих" не берет. И оба раза он солгал, зная, что я держу его на прицеле. Полицейские не догадались заглянуть в "спальное" отделение.

Облава еще не была организована, и полиция еще растеряна, "бьюик", правда, уже нашли в Инглисе, но полиция не знала, покинул ли я 19-е шоссе и в какую сторону отправился. Но, судя по словам полицейского, который нас останавливал, в последний раз была поднята по тревоге и полиция Пальметто-Сити.

– Правда, я не думаю, что он подался туда, – сказал полицейский. – Если он направился туда, то он глупец. Наверное, он повернул обратно в Джорджию.

Я бы с удовольствием там оказался. Тампа лежал слишком близко от Пальметто-Сити. Мне не на что было даже надеяться, пока мы не обогнем бухту.

Келли вел машину, упрямо глядя перед собой, со скрежетом зубов проклинал светофоры, всех глупых шоферов и меня. Дважды он чуть не коснулся паркующихся машин. Я напомнил ему об осторожности, и уши у него покраснели, а лицо напряглось. Он сидел на своем сиденье прямо, ища в зеркальце мое лицо. Потом вдруг остановился посредине улицы и выключил мотор.

– Вот и все, черт возьми! Теперь поведешь машину ты!

– Вернись обратно!

– К черту! – Он вышел из машины, повернулся и посмотрел на меня. – Почему не стреляешь? – И, прежде чем я успел открыть рот, он сам ответил себе. – Я тебе скажу, почему, – потому что ты считаешь, что можешь все подчинить своей воле. Мне понадобилось сто девятнадцать миль, чтобы понять. Можешь лежать и дальше на своем ложе или сам вести грузовик. Или же выходи и дальше иди пешком. Мне все равно. Дальше я с тобой не поеду.

Он перешел через дорогу и направился к ближайшей закуской. Я крикнул вслед ему:

– Келли!

– Плевать мне на тебя! – крикнул он. – Выпью пива. На твои деньги. Я их заработал.

Металлическая дверца машины обожгла мне пальцы. Я тоже перешел дорогу и заглянул в окно закуской, не звонит ли Келли по телефону. Он не звонил. Он сидел за стойкой и действительно пил пиво.

В закусочной было темно и прохладно. Я пошел по дороге, спрашивая себя, оповестит ли Келли полицию. Я лично в этом сомневался. Для него это означало бы большие сложности. Каждый час, который он терял, стоил ему денег.

В конце квартала я остановился и оглянулся. Келли как раз вышел из закусочной и направился к машине. Через несколько минут он проехал мимо, даже не бросив взгляд в мою сторону.

Мне было жарко в куртке. К тому же я обратил внимание, что все остальные мужчины были в рубашках. Я снял куртку, стало легче, но не намного. Кроме того, полиция искала человека в синем костюме из саржи, белой рубашке и зеленом галстуке. Я снял галстук и сунул его в карман. Револьвер был тяжелый и при ходьбе бил меня по бедру.

У ближайшей бензоколонки я зашел в туалет, желая избавиться от куртки и, по возможности, сохранить револьвер.

Сперва я попытался засунуть его за пояс, под рубашку, но он оказался большим и заметно торчал. Кроме того, я был весь мокрый от пота, и оружие скользило по телу.

Кто-то дернул дверь в туалет. Я крикнул:

– Минутку!

Расстегнув брюки, я пытался галстуком привязать револьвер к бедру, но он все равно был замечен. Потом выскользнул из рук и с грохотом упал на цементный пол.

– Что вы там застряли, черт бы вас побрал! – раздалось снаружи.

Тяжело дыша и изнемогая от пота, я сунул револьвер и галстук в карман куртки, скатал ее и сунул в полупустую бочку для отходов. Ее не должны скоро опорожнять.

Очувтившись снова на улице, я теперь боялся только своих рыжих волос. Кварталом дальше находился спортивный магазинчик, где я купил за полдоллара рыбацкую шапочку – одну из тех, что надеты на каждом втором туристе. Хотя я был похож в ней на идиота, но она скрывала мои рыжие волосы и, кроме того, навела меня на умную мысль.

В следующем магазине я приобрел за двадцать долларов зеленую габардиновую рубашку и за тридцать пять долларов светло-коричневые брюки. Еще отдал пять долларов за пару ботинок на толстой резиновой подошве, а в аптеке купил за доллар темные очки. Теперь у меня оставалось двадцать три доллара и пятьдесят центов. Но денежный вопрос был не самым важным. Если я не доберусь до Форта-Майерс, мне все равно не будут нужны деньги. А если доберусь, то Скип или Гарвей мне поверят и доставят в Гавану.

В туалете одной закуской я надел новые брюки, рубашку и ботинки, а старые вещи запихал в мешочек, в котором была упакована новая рубашка. Новая одежда стоила своих денег. Правда, у меня по-прежнему оставались рыжие волосы, сто восемьдесят сантиметров и девяносто килограммов веса, но в остальном я был больше похож на туриста с севера, чем на рыбака из Флориды.

За стойкой я заказал пиво и прислушался к разговору по-

сетителей. Двое мужчин справа говорили о боксе, а парень слева дискутировал с барменом о политике. Я прислушивался, наверное, минут десять, но ни разу не услышал имени Уайта или Цо Пальмиры. Это меня немного подбодрило. Я представлял интерес лишь для себя и полиции, а для всех других оставался лишь заметкой в утренней газете.

На жаркой улице я купил дневной выпуск газеты. Потом перешел дорогу и в пустынном месте выбросил свой мешочек с одеждой.

Нервное напряжение заметно сказывалось на мне. Нужно было выспаться, иначе я мог совершить какую-нибудь глупость. На углу я остановился и стал наблюдать за прохожими. Постоянное чувство, что за мной следят, было игрой воображения. Никто не обращал на меня внимания. Никто и не обратит, если я буду вести себя совершенно спокойно.

9

В винном магазине у автобусной остановки я купил бутылку рома. Потом снял номер в ближайшем отеле и записался там под именем Бена Бенсона из Чикаго.

Дежурный не проявил никакого любопытства. Он взял мои три с половиной доллара, отложил бланк в сторону и дал ключ номера четыреста десятого.

Когда я проснулся, был уже вечер. На окне жужжала муха. Какое-то время я лежал, прислушиваясь к ее жужжанию, а потом почувствовал привкус рома во рту. Скоро совсем стемнеет. Пришло время двигаться дальше.

Я выпил еще глоток рому, а потом позвонил дежурному по этажу и послал его за бритвенными принадлежностями и вечерней газетой.

Принеся то, что я просил, он с ухмылкой посмотрел на почти пустую бутылку на туалетном столике.

– Немножко отвели душу, капитан?

– Немножко, – признался я.

– Это хорошо, – мудро ответил он. И добавил, уходя: – Я все это постоянно твержу своей жене, но Мейбл не выносит спиртного.

Когда он ушел, я пересчитал свои деньги: оставалось двадцать восемь долларов.

Я быстро побрился, потом набрал в ванну холодной воды

и сел в нее. Потом выпил кофе с печеньем и почитал вечернюю газету.

Полиция проследила меня до Даннеллона. "Раскололся" толстый хозяин закусочной. Полицейские Клаузен и Ден вспомнили, что останавливали большой грузовик, который вел человек по имени Келли. Оба показали, что я мог находиться в спальном отделении и держать шофера на мушке. А полиция искала человека по имени Келли.

Если они его нашли, мне несдобровать.

Я вылез из ванны и вытерся. Задерживаться в Тампа было ошибкой. Надо было сразу двигаться дальше. Теперь уже поздно, но все равно надо как можно скорее выбраться из города, пока местная полиция не соткала свою сеть.

Пальцы меня плохо слушались. Было трудно застегнуть рубашку.

Одевшись, я доел печенье, допил кофе и ром, а потом посмотрелся в зеркало, висевшее над туалетным столиком. Не нужно иллюзий: я был похож на туриста с севера, как осетр на карпа. Я видел в зеркале высокого рыжеволосого и веснушчатого рыбака в странной шапочке, новых брюках со стрелочкой и узковатой в плечах рубашке. Неудивительно, что дежурный назвал меня "капитаном". Его не смутила моя внешность, он знал, к какой категории людей я отношусь. Я надел темные очки, но и они не поправили дела, скорее, наоборот. Тогда я выбросил очки в корзину и вышел из номера. Дежурный был уже другой. Он лишь скользнул по мне

взглядом. Я положил ключ на мраморный столик и ушел.

Погода по-прежнему была жаркой. От пота рубашка скоро потемнела. Какое-то мгновение я стоял перед отелем, раздумывая, следует ли мне и впредь двигаться в сторону Форта-Майерс или действовать судя по обстановке. Если повезет, то я доберусь до Форта-Майерс и далее – до Гаваны. Если не повезет, то меня схватят.

Я перешел улицу, направляясь к автобусной станции, миновал полицейского, закусную и подошел к окошечку кассы. В зале ожидания, казалось, не было никакой опасности для меня. Я купил билет до Бониты-Спрингс, который находился тремя остановками дальше Форта-Майерс, спросил, когда отправляется автобус. Мне ответили:

– В половине восьмого.

Я должен был ждать еще пятнадцать минут. В закусной стоял газетный киоск. Я купил две иллюстрированные газеты и посмотрел на полицейского. Тот стоял, заложив руки за спину, и разглядывал привлекательный зад красивой кубинки.

Она была маленькой, хорошо сложенной, с пикантным личиком и копной блестящих длинных волос на голове.

Все в ней напомнило мне Цо – и как она шла, и как покачивала бедрами, и как гордо держала голову. Я проследил за девушкой глазами, пока она не исчезла в толпе.

Из-за поворота выехала полицейская машина и остановилась у входа рядом с постовым.

Четверо полицейских вышли из машины. Один из них остался стоять у своей машины, другой направился к автобусной площадке, третий зашел в здание автовокзала, четвертый, лицо которого сразу показалось мне знакомым, заговорил с дежурным полицейским. У него был зычный, глубокий голос, и я слышал, как он называл мои приметы.

Полицейский покачал головой.

– Нет, не видел.

Мое сердце учащенно заколотилось. Хотел сглотнуть, но рот и горло были слишком сухими. Значит, полиция нашла Келли, и он все рассказал. Теперь они знали, что я был в Тампа, во всяком случае, около девяти часов утра. Наконец я узнал этого полицейского, он был из Пальмето-Сити. Служащий суда, который меня осудил. Ему достаточно лишь взглянуть на меня, и моя песенка спета.

Из автовокзала выходила группа громко смеющихся юношей, и я вышел вместе с ними и оглянулся через плечо.

Следом за нами из автовокзала выскочил полицейский, билетный кассир назвал меня.

Полицейский что-то сказал судейскому чиновнику, тот взглянул со злостью на дежурного и побежал к углу, где я был минуту назад. Легавый, стоявший у другой машины, включил сирену. Она прозвучала так тоскливо, словно все трубы мира жаловались по поводу смерти Цо.

Юноши больше не смеялись. Они посмотрели друг на друга, потом на меня и прижались к стене отеля. Я остался

один на тротуаре. Еще никогда в жизни я не чувствовал себя таким одиноким.

Откуда-то справа послышался вой другой сирены.

– Эй, вы! – крикнул вдруг судейский чиновник из Пальмето-Сити. – Вы, высокий человек в зеленой рубашке и шапочке! Повернитесь сюда!

Не ожидая повтора, я пустился наутек.

– Стой!

Я продолжал бежать. Судейский чиновник выстрелил. Какая-то женщина на тротуаре громко закричала. Мужчина попытался подставить мне ножку. Я ударил его кулаком. Из толпы позади меня раздались крики:

– Это он! Держите его!

Прогремело еще три выстрела. Теперь уже стреляли не в воздух. Одна из пуль попала в стену рядом со мной, разбив витрину. А я продолжал бежать.

Крики позади усилились. Я слышал топот бегущих людей.

– Держите этого проклятого парня! Арестуйте его!

Теперь сирены выли с разных сторон. Я забежал за угол, сорвал шапочку и отбросил ее. Потом протиснулся между стоящими автобусами и машинами. Был субботний вечер.

На Главной улице Тампы я заставил себя идти нормальным шагом по краю тротуара. Когда преследователи появились из-за угла, я вместе со всеми оглянулся. Какая-то девушка рядом со мной сказала:

– Должно быть, что-то случилось?

Я ответил как можно спокойнее.

– Видимо, да.

По Франклин-стрит мчался сплошной поток людей. Судейский чиновник стоял на переднем бампере с оружием наготове.

– Бьюсь об заклад, кого-то обокрали, – сказала девушка.

– Вероятно, – согласился я.

Кое-кто остановился, наблюдая за происходящим, а мы с девушкой пошли дальше, поглядывая назад с любопытством. Судебный чиновник из Пальмето-Сити взобрался теперь на капот машины и пытался обнаружить меня в потоке людей.

На ближайшем углу горел зеленый свет. Я подхватил девушку под локоть и помог ей перейти улицу. Она была свеженькой, юной и хотела быть со мной милой.

– Человек, видимо, сошел с ума, если думает, что здесь можно скрыться, – сказала она. Мы прошли мимо ярко освещенных окон закусочной. Говоря это, она посмотрела на меня, и ее улыбка исчезла, когда она увидела мои рыжие волосы, веснушки и потную рубашку. Глаза ее расширились, она открыла рот, чтобы что-то сказать, но потом передумала и вошла в магазин.

Зачем? Чтобы купить мороженого? Чтобы позвонить своему дружку? Или чтобы раскрыть свой маленький противный ротик и закричать: "Я его видела! Я видела Чарли Уайта! Вот он, этот высокий рыжий человек без шляпы!"

Я не имел возможности узнать об этом. Внезапно мне все стало безразлично. Ноги болели, голова тоже. Думать о чем-либо означало напрягать нервную систему. Я был в бегах очень долго, насколько хватало сил. Теперь я больше не мог. И я не знал местечка, где бы мог спрятаться.

Рука дрожала, когда я доставал сигарету. Между тем детективы прочесывали толпу, заглядывали в лица, задавали вопросы. Вокзалы были перекрыты, так же как и аэропорт. Все дороги заблокированы, может, за одним исключением: дороги на Пальмето-Сити. Ее, вероятно, полиция оставила в качестве ловушки.

– Тем лучше. Если мне не добраться до Форта-Майерса и Гаваны, то я хотел бы по крайней мере поговорить с Кеном Джилли и сказать ему, что я не убивал.

Хотел я поговорить и с Бет. Сказать ей, как было мило с ее стороны написать мне и как мне жаль, что я все испортил. Я хотел все сказать ей прежде, чем снова попаду в тюрьму.

В нескольких шагах от угла стояло свободное такси. Я сел и откинулся на сиденье.

Шофер выбросил окурок сигареты через окно и спросил:

– Куда, приятель?

– В Пальмето-Сити, – ответил я.

Мои предположения оправдались: шоссе не было перекрыто. Я знал, что из Пальмето-Сити двигаться дальше можно только водным путем. Охота на человека кончилась – теперь полиция имела меня именно там, где она и хотела меня видеть. Ей оставалось только затянуть сеть.

Когда мы проезжали мимо стадиона, шофер спросил:

– Какое место в Пальмето-Сити?

Я выпустил струю дыма в потолок кабины. Надо было поговорить с Кеном. Но, независимо от того, приятель я ему или нет, Кен обязан был бы арестовать меня, так как представлял закон. Поэтому до ареста я хотел поговорить с Бет.

– Я сойду прямо у мола.

Пальмето-Сити не изменился. Зеленые скамейки на центральной улице были полны туристов с севера. В парке Филиппа играл оркестр. Диг Девис регулировал движение на Четвертой авеню. При виде его мне внезапно вспомнился Мэтт Хэлли. Мэтт был должен мне тысячу долларов. И у Мэтта было судно, на котором можно добраться до Гаваны. В душе моей затеплилась надежда, правда, не сильная. После разговора с Бет надо навестить Мэтта. Много будет зависеть от того, что мне посоветует Бет.

Как обычно, на молу было полно туристов, занимавшихся рыбной ловлей.

Я расплатился с шофером последней десяткой и закурил последнюю сигарету, пока смотрел ему вслед.

Легавые редко появлялись на молу. В данный момент я чувствовал себя в безопасности. Почему-то даже захотелось, чтобы меня схватили. Но надо было поговорить с Бет, хотя я и боялся этого разговора. Деньгам она, конечно, обрадуется, но вот история с Цо наверняка сильно ее ранит.

Несколько минут я понаблюдал за рыбаками. Было время прилива. В небе сияла луна. Незадачливые рыбаки-туристы придали мне хорошее настроение, и я пошел через парк под королевскими пальмами по тому адресу, который сообщила мне Бет в письме.

Это была грязная и запущенная улочка с негритянским кварталом, недалеко от магазина Клифтона. Бет жила в квартире, расположенной над гаражом. Вот уж действительно, как может жить здесь жена богатого человека. От стыда меня бросило в пот.

В доме было темно. Я снова вспомнил, что сегодня суббота и магазин Клифтона открыт до полуночи. Если Бет работает там в конторе, то раньше десяти она дома не появится. И я двинулся к молу. Да, Шведе, конечно, был прав: я наверняка сошел с ума, обращаясь с Бет по-свински.

Тогда я попытался успокоить свою совесть другим. Ведь она могла воспользоваться стареньким домом на острове. Но она не могла жить там, а работать в городе – по крайней мере, пока я сидел в тюрьме. В свое время я, бывая дома, каждый

день перевозил ее на остров и обратно, а когда я уходил в море, она жила у своих родителей.

Но она могла сдавать старый домик и иметь дополнительный доход. Хотя туристам он вряд ли подошел бы, слишком многое надо было чинить. Очевидно, теперь на острове обитали только мыши, змеи и кролики.

Я понаблюдал за рыбаками еще с часок, а потом отправился обратно. Теперь в квартире горел свет. Но пока я наблюдал за окнами, свет погас. Я тщательно осмотрел дорогу и окрестности: полицейских видно не было. Никто не появлялся из темноты, и никто меня не окликал.

Лестница, ведущая в квартиру, была на наружной стороне здания и обросла диким виноградом. Я шаг за шагом осторожно поднимался по лестнице спиной к стене. На площадке я вытянул руку и тихонько постучался. По ту сторону окна, затянутого сеткой, раздался голос Бет:

– Кто там?

– Чарли. Не говори так громко и не зажигай, пожалуйста, свет.

Шаги Бет раздались по передней. Скрипнула дверь. Спустя четыре года сквозь заросли дикого винограда пробивался лунный свет, освещая стройную фигуру Бет. Об этой минуте я мечтал. Только забыл, что Бет так хороша. Она хороша даже с мокрыми от слез щеками и глубокими тенями под глазами. И ведь когда-то она тоже любила меня.

Бет накинула один легкий халатик. Она так же тяжело ды-

шала, как и я.

– Тебе не надо было приходить сюда, Чарли. Полиция заходила в магазин полчаса назад. Я обещала Кену Джилли позвонить, если ты захочешь встретиться со мной.

Она набросила на плечи пальто, а я с глупым видом спросил:

– Значит, ты все знаешь?

Бет откинула со лба белокурую прядь.

– Как же не знать! Об этом написано во всех газетах! – Губы ее задрожали, в глазах показались слезы. – Все в магазине, кроме мистера Клифтона, выражали мне свои соболезнования.

Я постарался как можно скорее снять с моей души грех.

– Я этого не делал, Бет.

– Чего не делал?

– Не убивал Цо.

– Но в газетах же написано.

– В газетах написана чепуха. А я не убивал девушки. И я не знал, что было написано в твоём письме, потому что вскрыл его слишком поздно. Я думал, что ты меня бросила. И прочел письмо только в домике и сказал Цо, что не хочу ее знать и возвращаюсь к тебе в Пальмето-Сити. А потом это случилось.

Бет перестала плакать.

– Ты хочешь сказать, что не убивал девушки?

Я тяжело вздохнул.

– Нет. Ее убил какой-то мужчина, которого я не рассмотрел. Он нанес и мне несколько ударов гарпуном, а ее застрелил. Наверное, и меня хотел убить.

– А кто это был?

– Понятия не имею. Даже не разглядел его лица.

Она еще теснее прижала лицо к дверной раме и едва слышно проговорила:

– И ты хочешь, чтобы я тебе поверила?

– А я разве когда-нибудь лгал тебе?

Она на мгновение задумалась.

– Нет. – Она покачала своими локонами так сильно, что они разлетелись в разные стороны. – Нет, ты этого никогда не делал, Чарли. Ты никогда мне не лгал.

Она отступила на шаг назад.

– Входи, – сказала она. – Пока тебя не увидели соседи.

Когда мы вошли в комнату, я хотел ее обнять, но она оттолкнула меня.

– Нет, мне надо подумать. Ты клянешься, что не убивал девушки?

– Клянусь!

Насколько я мог разглядеть в лунном свете, Бет сняла однокомнатную квартиру с ванной и маленькой кухонькой.

– Дай мне сигарету, Чарли, – Бет села на край кровати. Я ответил ей, что у меня нет. Тогда она сказала, что несколько сигарет валяются на столе. Я нашел ей сигарету и дал прикурить. В каком-то отношении Бет изменилась. При мне она

курила впервые. Я сел рядом с ней, и кровать заскрипела под моей тяжестью.

– Зачем ты пришел сюда? – поинтересовалась она.

Я сказал ей правду.

– Сначала я не хотел, считая, что ты списала меня в расход. Мне надо было добраться до Гаваны, но в Тампа полиция перерезала путь.

Ее лицо было в тени, и в лунном свете я мог видеть только ее ноги, но тем не менее мне показалось, что я прочел на ее лице презрение.

– Другими словами, если бы ты убежал от полиции и добрался до Кубы, ты бы продолжал такую же жизнь, которая нарушила наш брак? Ты опять бы стал работать на сеньора Пезо?

– Возможно. – Я не знал, сколько времени у меня еще осталось, и поэтому сформулировал ответ как можно короче. – Я решил жить честно, если ты встретишь меня возле тюрьмы. Если же нет, то я решил найти этого сеньора Пезо и убить за то, что он бросил меня в трудную минуту.

Бет резко повернулась ко мне.

– И ты до сих пор не знаешь, кто такой этот сеньор Пезо.

– Нет.

– А дальше?

– Когда я вышел из тюрьмы, тебя у ворот не было. А вот Цо была. И она сообщила, что сеньор Пезо не оставил меня на произвол судьбы, и вручила от него банковскую книжку.

За каждый месяц, проведенный мною в тюрьме, на мой счет в Гаване поступала тысяча долларов. Потом она сказала, что в Дед-Менс-Бее нас будет ждать судно, которое доставит нас в Гавану. Тогда я подумал: а почему бы и нет? И поехал туда вместе с Цо.

Бет запротестовала.

– Но я бы встречала тебя, если бы смогла. Я даже послала тебе денег на дорогу. – Ее плечи затряслись от рыданий. – Я писала тебе, что жду тебя и что мы начнем жить сначала.

Кажется, у нее начиналась истерика. Я положил ей руку на талию.

– Ради Бога, Бет, не кричи так громко. Она сказала:

– Я и не кричу, – и отодвинулась от меня. – Но я тебе написала, Чарли, написала!

Я пожал плечами.

– Знаю. Если бы я прочитал твое письмо еще в тюрьме, все было бы по-иному. И ничего бы не случилось.

– Зачем же ты пришел сейчас, Чарли?

– Чтобы дать тебе денег.

– Мне они не нужны. Они заработаны нечестным путем.

– Тогда чтобы попрощаться. Мне очень жаль, я оказался таким негодяем.

– И это все? – Ее ладонь легла на мое колено.

– Чтобы сказать, что я тебя люблю.

– Но ведь ты любил другую женщину? Это Цо?

Я посмотрел на ее маленькую ножку, освещенную лун-

ным светом. Я никогда не лгал Бет, и так должно остаться и впредь.

– Наверное, я любил вас обеих.

Пальцы Бет крепче сжали мое колено, и она опять заплакала.

– Что они сделают с тобой, Чарли, если поймают?

Я взял сигарету из ее руки и затянулся. Она засветилась словно маленький факел.

– То же самое, что мы делаем с этой сигаретой. – Она опять всхлипнула.

– Они не имеют права так поступать. Если эта девушка не на твоей совести, то надо постараться доказать это.

Я раздавил сигарету.

– Как?

Бет покачала головой. Она сидела так близко, что ее волосы касались моего лица. От нее пахло свежестью и чистотой.

– Не знаю, – призналась она. – Но ведь должен же быть выход. – Она, как говорится, попробовала схватиться за соломинку. – Может, мистер Клифтон поможет?

Клифтон был бизнесменом, у которого Бет работала. Она уже давно была его секретаршей и хорошо относилась к нему. А мне он никогда не нравился: высокомерный маленький человечек откуда-то из центра страны. Он был опытным дельцом и не боялся риска и в итоге стал владельцем четырехэтажного дома с универсальным магазином, в котором было все, начиная от яблок и кончая музыкальными товара-

ми. То, чего нельзя было купить у Клифтона, нельзя было купить нигде.

– Почему он должен нам помогать? – спросил я.

Бет сняла руку с моего колена и положила на свое.

– Мистер Клифтон питает ко мне слабость. Он сделал мне предложение и даже хотел купить наш старый дом на острове, чтобы у меня были деньги на жизнь. Чтобы я могла не работать и решить наконец вопрос – разводиться с тобой или нет.

Я усмехнулся.

– Очень пикантная ситуация.

Бет возбужденно ответила.

– А ты? Твоя совесть чиста?

Напряжение дало о себе знать. Слишком многое произошло за этот короткий промежуток времени. Я закрыл лицо руками.

– Нет. Наверное, нет. И я не имею права так говорить с тобой. После всего случившегося. После того как я поломал нашу жизнь.

Бет оттянула мои пальцы от лица. Теперь я больше не мог ее видеть: она была слишком близко от меня. Но я ее чувствовал.

– Поцелуй меня, Чарли, – сказала она.

– Не думаю, что тебе этого хочется.

Я слышал на своем лице ее дыхание.

– Поцелуй меня, – повторила она.

Я взял ее лицо в свои ладони и поцеловал. Не так, как целовал Цо, а без пыла, как перед алтарем, когда священник Пол провозгласил нас мужем и женой.

Когда я поднял голову, свет луны упал таким образом, что я снова мог увидеть ее лицо. Ее глаза блестели, а губы снова хотели слиться с моими.

– Все будет хорошо, Чарли, поверь мне. Не знаю, как, но что-нибудь мы сделаем.

Я сидел и не отваживался ни шевельнуться, ни прикоснуться к ней. Следующий шаг должна была сделать Бет. Она долго сидела, поглаживая мне лицо. Потом откинулась и заложила руки за голову. В темноте ее глаза отливали зеленым.

– Докажи мне, что ты меня любишь, Чарли.

Это я-то ее не люблю? Я кинулся целовать ее шею, губы, плечи. Ее кожа горела под моими поцелуями. Бет шептала:

– Как много времени прошло! Мне так не хватало тебя!

В этот момент к дому подъехала машина. Луч красного прожектора осветил дверь и остановился на ней, затопив призрачно-голубоватый лунный свет кроваво-красным заревом. На лестнице послышался топот двух пар ног.

Бет освободилась из моих объятий и стояла в лунном свете, тяжело дыша и оправляя свой халатик. Я хотел подняться, но она воспрепятствовала.

– Сиди!

Шаги остановились на лестничной площадке. Темная фигура заслонила собой красный свет. В дверь застучали кулаками.

Бет натянула на себя пальто.

– Да?

– Это опять я, Кен, – услышал я голос Джилли. – С вахмистром Стоуном.

– Да, – повторила Бет. – Я была в постели.

Голос Джилли прозвучал устало.

– Мы так и думали, Бет. И мне очень жаль, что пришлось нарушать твой покой. Но я подумал, что ты должна знать.

Бет все еще прилагала усилия, чтобы дышать спокойно.

– О чем?

Теперь заговорил Билл Стоун.

– Чарли видели в Тампа, миссис Уайт. Он взял билет до Бониты-Спрингс, но наши мальчики обнаружили его на автобусной станции, и он бежал.

– О-о! – сказала Бет. – Понимаю.

Сидя на кровати и предоставляя Бет защищать себя, я ка-

зался полным идиотом.

– Это было два часа назад, – добавил вахмистр Стоун. – В Тампа все дороги тотчас перекрыли, за исключением трассы на Пальмето-Сити, чтобы заманить его сюда. И это удалось. Уже нашли шофера такси, который отвозил человека, похожего на Чарли, к южному молу.

– О-о! – снова повторила Бет. Она отыскала ночные шлепанцы и сунула туда ноги. Потом пожала мне руку и пошла к двери.

– Прошу прощения, что не приглашаю войти, но я не одета.

– Ничего, не беспокойтесь, миссис Уайт, – сказал Стоун. – Мы просто хотели сообщить вам это.

Кен зевнул.

– По мне, так лучше бы Чарли не выбирал этого направления. Господь знает, что мне совсем не хочется его арестовывать.

Бет справилась со своим волнением и дыханием. Ее голос прозвучал холодно, почти равнодушно.

– Может быть, это был не он, Кен... Может быть, Чарли вообще не убивал.

Кен рассмеялся.

– Не говори глупостей, Бет! Конечно же это сделал он. Ты ведь читаешь газеты, не так ли? Они устроили оргию, чтобы отпраздновать его освобождение, а потом поссорились, возможно, из-за твоего письма. Она ударила его каким-то тяже-

лым предметом, а он ее пристрелил.

Стоун добавил:

– Во всяком случае, так свидетельствуют данные на сегодняшний день. Нам оставить пост внизу, миссис Уайт?

Плечи Бет приподнялись, словно она делала глубокий вздох.

– Большое спасибо, сержант, но я не думаю, что в этом есть необходимость. Сомневаюсь, чтобы Чарли направился ко мне. Не так уж он глуп. Но даже если и появится, мне-то уже он наверняка ничего не сделает.

– Все так, – согласился Кен. – Я тоже так думаю, что он не заявится сюда. Добравшись до гавани, он попытается уйти по воде. Вот тут-то мы и можем его упустить. Как зовут капитана, о котором ты мне рассказывала? Который задолжал Чарли?

Я задержал дыхание. Бет откинула со лба прядь волос.

– Не могу вспомнить, – сказала она тихо. – Я сейчас слишком взволнована, чтобы мыслить разумно. Все – словно в кошмарном сне.

Сержант Стоун понял ее состояние.

– Конечно, конечно! Отправляйтесь досыпать, миссис Уайт. Но вы, надеюсь, нас уведомите, если Чарли попытается войти в контакт с вами?

– Разумеется! – солгала Бет.

Кен напоследок все испортил.

– Помни о том, что ты Чарли ничем не обязана. Он и эта

кубинка здорово повеселились, прежде чем он ее застрелил.

Тяжелые шаги застучали вниз по лестнице. Я откинулся на кровати, и меня бросило в холодный пот. Теперь Бет снова была от меня далека, как прежде.

Внизу хлопнула дверца машины. Заурчал мотор, и красный свет исчез. Бет прошла в ванную и закрыла за собой дверь. Спустя длительное время вышла и села на край кровати рядом со мной. Просто сидела и смотрела на дверь.

– Мне лучше уйти, – сказал я.

Бет казалось, пришла к какому-то решению и легла рядом со мной.

– Нет, мне не хочется тебя отпускать. Кроме того, здесь ты в безопасности больше, чем где-либо. Во всяком случае, в данный момент.

Она забыла снять домашние туфли и сейчас пыталась сбросить их, шевеля ступнями, при этом ее нога задела меня.

– Извини, – сказала она.

– Пустяки. – Я снова почувствовал, что очень хочу ее, как раз теперь, когда она думает о Цо, и отыскал ее руку.

– Я люблю тебя, Бет.

– Я тоже люблю тебя, Чарли. Но ты все так осложнил.

– Знаю. И поэтому, наверное, мне лучше уйти. Не нужно втягивать тебя в эту историю.

Бет вздохнула.

– Как же мне не быть втянутой. Ведь ты мой муж.

Она провела пальцами по моему лицу. Потом ее тело на-

чало сотрясаться, словно от плача или от смеха. Я решил, что это все-таки смех, и спросил ее:

– Что тут смешного?

Она ответила:

– Ты знаешь, о чем я думала, когда они нам так неожиданно помешали?

– О чем?

– Тебе надо оставаться у меня до тех пор, пока я не переговорю с мистером Клифтоном. Раньше сюда никто не заходил. Но теперь, если ты бесследно исчезнешь, кто-нибудь наверняка предложит Кену сделать обыск у меня в комнате.

Я поцеловал ее в кончик носа.

– Ты считаешь, что лучше сдать на милость победителя?

Бет покачала головой, задевая волосами мое лицо.

– Нет. Сперва я поговорю с мистером Клифтоном. А у тебя, в сущности, есть лишь один тайник: старый дом на острове. Ты знаешь дом и сам остров лучше, чем кто-либо другой. Целая армия не сможет тебя там найти, если ты этого не захочешь. – Она придвинулась ко мне. – А теперь расскажи мне подробно, что случилось в том доме, Чарли. И не заботься о моих чувствах. Для нас обоих важно, чтобы я точно знала, что произошло. – Она поднялась. – Но сперва мы покурим.

Она прижгла две сигареты и вернулась ко мне. Желание обладать ею причиняло мне боль. Я попытался освободить свои руки из ее пальцев, но не смог этого сделать. Бет крепко

держала их.

– Тут почти нечего рассказывать. Мы прибыли в дом незадолго до сумерек, оба довольно пьяные. Остановивались в Кросс-Сити, чтобы купить продукты и ром. Залив выглядел очень привлекательным, и я пошел купаться. В это время Цо готовила ужин. Я купался дольше, чем предполагал. Поэтому, когда я вернулся в домик, было уже темно. В доме горели две лампы, одна на кухне, другая в столовой. Нет, не в столовой, а в спальне. На плите стояли кофейник и кастрюлька с зеленым горошком. Я перед купанием разделся на кухне, и мои вещи лежали на полу. Так вот споткнувшись о них, я обнаружил твое письмо, хотя и не знал, что оно от тебя.

Бет сжала мою руку.

– Поэтому ты и не прочел его еще в тюрьме?

– Да. И когда я, наконец, его прочел, мне стало нехорошо. Я прошел в другую комнату и сказал Цо, что наши отношения с ней кончены и я возвращаюсь в Пальмето-Сити.

– И как она отреагировала?

– Никак. Лежала на постели.

– Но она что-нибудь сказала?

– Захотела прочесть твое письмо.

– И ты ей дал его?

– Да.

Я почувствовал, как Бет напряглась.

– И что сказала Цо, когда прочла его?

– Что ты меня не любишь.

Моими пальцами Бет погладила себе руку.

– Думаешь, ты был бы сейчас тут, если бы я не любила тебя?

– Нет, – признался я. – Но тогда я был еще пьян, и мысли мои находились в хаотическом состоянии. А Цо дала мне ясно понять, что я знаю лишь море, а на суше мне не зарабатывать и десяти долларов. Итак...

Было достаточно светло, чтобы видеть глаза Бет. Они были словно изумруды.

– И она уговорила тебя лечь с ней? – спросила она.

– Да.

– А по какому поводу вы начали ссориться?

– А мы и не ссорились. Внезапно Цо закричала: "Нет! Ради Бога, прошу! Не надо!" – и обхватила мою голову руками. В следующий момент на меня словно упала вся вселенная. Я повернулся, но смог увидеть только силуэт человека, который снова нанес удар. Прежде чем потерять сознание, я услышал выстрел. А когда я пришел в себя, Цо была мертва.

– Ты уверен, что это был мужчина?

– Да, это я знаю точно.

Бет не хотела произносить имя Цо и помедлила немного.

– А эта персона... эта Цо, она не упоминала никакого имени?

– Нет. Она сказала, что у нее с тех пор, как я попал в тюрьму, не было другого мужчины.

Губы Бет дрогнули в лунном свете.

– Можно себе представить!

Я ничего не ответил, и она опять погладила меня по лицу.

– Ты сказал мне правду, Чарли?

– Все было именно так.

– И ты ее не убивал?

– Нет.

Бет внезапно стала энергичной и деловой. Наверное, такой, как она была в кабинете мистера Клифтона.

– Хорошо, я завтра все расскажу мистеру Клифтону, все, что ты мне поведал.

Дело с мистером Клифтоном мне все еще не нравилось, и я не скрывал этого.

– Ты же говоришь, что он тебя любит. Он предложил тебе развестись со мной и выйти за него замуж. Так как он будет реагировать на твою просьбу? Просто снимет трубку и позвонит Кену. То есть использует любой шанс посадить меня на электрический стул. Это ему гораздо выгоднее, чем финансировать бракоразводный процесс...

Бет прижала пальцы к моим губам.

– Ты несправедлив к Джо... к мистеру Клифтону, Чарли. Он порядочный человек. И милый.

– Разумеется!

– Ты бы мог сравнить мистера Клифтона с мистером Пе-зо, если ты считаешь, что он способен на такие подлости. Но я ему не скажу, где ты скрываешься. И попрошу у него совета, как нанять частного детектива, чтобы доказать твою

невинность. Цо была кубинкой, не так ли?

– Да.

– Миленькая?

– Очень.

– В таком случае за ней, может быть, следил любовник.

Он убил ее и обставил все дело так, чтобы ты оказался козлом отпущения. Полиция нам не поверит, даже Кен. Это ясно. Но если частный детектив сможет отыскать ее ревнивого любовника, то у нас появится какая-то зацепка.

Я поцеловал ее в глаза.

– Благодарю тебя, Бет, за то, что ты мне веришь.

– Ты – мой супруг. И моя обязанность защищать тебя.

Я погладил ее по спине.

– И это единственная причина?

Она вздохнула:

– Нет. Я люблю тебя, Чарли, ты должен это знать. А пока я поговорю с мистером Клифтоном, ты будешь скрываться на острове.

– Хорошо. Но как же ты со мной свяжешься?

Ее дыхание всякий раз учащалось, едва я дотрагивался до нее.

– Найду способ. Я ведь могу появляться на острове в любое время. Хотя бы для того, чтобы привести в порядок дом перед тем, как его продавать. – Она повернулась ко мне и провела рукой по моим губам.

Я продолжал ее ласкать.

– И когда я должен уйти?

– Около четырех часов утра. К этому времени луна скроется.

– А до этого?

– А как ты сам думаешь?

Я понял, что она имела в виду. Да ведь и до этого не трудно было догадаться.

12

Я одевался в удушающей жаре. Никак не мог найти ботинок. Бет обнаружила его под кроватью и протянула мне, я закурил.

Я хотел видеть Бет, и вот увидел. Увидел, несмотря на то что меня разыскивала полиция по всей Флориде.

Бет изменилась.

В последние годы у нее, вероятно, был другой мужчина. Она оказалась не той девушкой, которую я покинул. Теперь у нее появился опыт.

– Почему ты молчишь?

– Просто задумался, – прошептал я, и она поцеловала меня за ухом. В желудке появилось какое-то странное брожение, но я не имел права быть ревнивым: я сам проиграл свою игру.

Я надел рубашку. Хотелось остаться здесь, и, казалось, Бет тоже этого хочет. Но Кен Джилли не был глупцом. Если он не поймает меня до утра, они поймут, где я нашел убежище. Бет была моя жена, и они первым делом наведаются к ней.

Я пошел к двери. Бет босиком провожала меня.

– У тебя есть револьвер, Чарли?

– Нет.

– А как насчет сигарет?

– Я взял со стола две пачки.

– Хорошо. – Бет поднялась на цыпочки и поцеловала меня.

– Я приду сегодня ночью. Или в крайнем случае завтра.

– А если за тобой станут следить?

– Уж я позабочусь, чтобы этого не было.

– Кен – человек недоверчивый, – шепнул я.

Моя рубашка была расстегнута на шее, Бет прижалась ко мне и ответила:

– Ну и что? Уж Кена-то я обведу вокруг пальца.

Я спросил себя, а не был ли Кен именно тем человеком, который играл заметную роль в ее жизни. Потом обнял ее обнаженные плечи и поцеловал.

– Будь осторожна.

Бет ответила на мой поцелуй не очень-то страстно, но тем не менее плотно прижалась ко мне.

– Ты тоже будь осторожен.

Я крепко держал ее за плечи.

– Скажи еще что-нибудь.

Ее губы скользнули по моим.

– Я люблю тебя, Чарли.

– Я тоже люблю тебя, Бет, – сказал я и, открыв дверь, проскользнул спиной к стене и стал спускаться по лестнице.

Луна зашла, но было еще более душно, чем раньше, – казалось, будто плывешь в парном молоке. Ниоткуда никаких звуков, кроме стука водяных капель и легкого шелеста

пальм.

У подножия лестницы я остановился. Стоило ли пытаться пробраться на остров? Для новых приключений я был изможден духовно и физически, но тем не менее я осторожно двинулся, ориентируясь по свету фонарей. Метрах в тридцати от лестницы я интуитивно остановился и увидел, как из-за ствола пальмы вышел человек, ослепив меня фонариком. Голос его походил на хриплый шепот:

– Минутку! Как вас зовут? И почему вы бродите здесь в четыре часа утра?

Все во мне как оборвалось, значит, Стоун и Кен просто не хотели расстраивать Бет. Несмотря на ее отказ, они все-таки оставили охрану. Что ж, все логично. Я смотрел на человека, но не мог увидеть его лица, потому что он ослеплял меня фонариком. Только увидел, что он был высокого роста. Но он, видимо, пришел в полицию недавно, иначе он бы меня узнал. Единственным шансом было смело блефовать с ним.

– Меня зовут Фред Дэвис, и я вовсе не брожу. Я живу в нескольких десятках ярдов отсюда и иду к бухте половить рыбу. А что? И вообще, что это за манера высказываться из-за дерева и до смерти пугать людей?

– Умник, умник, ничего не скажешь, – прошептал он.

Я увидел, как в руке у него блеснуло. Сначала я решил, что он вытащил револьвер, но когда он замахнулся, все вмиг стало ясно. Я отпрыгнул, и удар его пролетел мимо. Не давая ему опомниться, я бросился вперед и врезал ему в челюсть.

Фонарик выпал из его руки и погас. Еще какое-то мгновение он стоял, а потом колени у него подкосились, и он упал, слившись с темной землей.

Я вытащил спички и нагнулся над ним. По его лицу ничего нельзя было узнать. Он был мне незнаком. Но кем бы ни был этот человек, он не служил в полиции – иначе я впервые встретил бы легавого, который носил при себе шестидюймовый нож.

Я снова зажег спичку, чтобы проверить его карманы, но сразу же задул ее, когда в окне над гаражом зажегся свет, и тонкий, дребезжащий от старости голос спросил:

– Кто зажигал спичку? Кто там?

Я промяукал:

– Мяю...

– О, проклятая кошка! – сказала старая дама, и свет в ее окне снова погас. Я на цыпочках отправился дальше, пока старой даме не пришло в голову, что кошки ведь не зажигают спичек. На углу я остановился и оглянулся. Свет в окне снова зажегся, а старая дама выглянула наружу и начала кричать.

* * *

Густой, низко лежащий туман покрывал воду. Было время отлива. Я долго отлеживался в траве на берегу и обдумывал ситуацию. Здесь я чувствовал себя как дома, знал каждый столбик.

У "Куха и Робертса" было темно. Но в сарае Мак-Нилла горел свет. Пока я наблюдал, появился молодой полицейский в синей пропотевшей рубашке и с фуражкой, сдвинутой на затылок. Проходя по пирсу, он отмахивался от москитов и вглядывался в темноту и туман. Я прополз дальше, к гавани для лодок Бейо и Билла, где на якоре стояло много суденышек. Некоторые суда были освещены, там или играли в покер, или проверяли снасти и наживку.

Ощущение, что я нахожусь в ловушке, было еще сильнее, чем раньше. В гавани сейчас стояло пять-шесть судов, которые могли бы подбросить меня до Гаваны, если бы я пообещал солидный куш, но я обещал Бет ждать ее на острове, пока она не переговорит с мистером Клифтоном.

Чем дольше я над всем этим думал, тем более странной казалась мне вся наша затея. Почему мистер Клифтон должен что-то делать для Чарли Уайта? В конечном итоге он ведь хотел не меня, а мою жену. А может, он уже имел ее?

Я пошел к гавани Фразера. Там качались на причалах несколько челноков. Я уже подумал о том, чтобы украсть лодку, но не стал этого делать. По двум причинам. Во-первых, ее бы хватились, а на острове мне пришлось бы ее утопить, пробив дно. Я знал, как ценили лодки рыбаки, и Фразер не был исключением, он бы поднял на ноги всю преисподнюю. И во-вторых, между побережьем и островом движущуюся лодку обязательно заметят.

Я снял одежду и привязал ее к сухой доске. Потом вошел

с этим узлом в воду, такую же теплую, как воздух. И поплыл, подталкивая доску перед собой.

Приятно было снова очутиться в воде. Плыл я долго, часто поворачиваясь на спину, но все время держа руку на доске. Я никак не мог забыть человека с ножом. Кто он? Откуда знал, что встретит там меня. Почему или по чьему приказу ему надо было меня убить? Может быть, именно он убил и Цо?

Мне бы избить этого негодяя и заставить его говорить. Но с другой стороны, если именно он убил Цо, почему он не узнал меня и не убил без лишних вопросов?

Небо уже начинало светлеть, когда я увидел очертания мангровых деревьев, росших на острове. Я попытался нащупать ногой дно, но не достал – было еще глубоко. Непогоды последних лет изменили берег острова. Вода была глубока почти до самого берега. Наконец я мог выкинуть доску на берег и досуха растереть себя руками. Потом оделся, но, увы, не нашел ботинки, видимо, они упали в воду, пока я плыл.

Потом под капустной пальмой выкурил сигарету и направился к домику. Вот теперь я действительно был дома. Мои полусгнившие сети все еще висели с тех пор, как я ушел в солдаты. Красть их не было смысла. В песке валялись перевернутые остовы лодок и крупного судна, принадлежащего моему отцу. Я был рад, что он уже ушел из жизни.

Я посмотрел на материк. Огней на воде не было видно. Значит, меня не заметили. Если меня не найдут утром, Кен и

Стоун наверняка наведаются на остров. Но это не так страшно: я знал на этом острове каждую пядь земли и мог прятаться, если нужно, хоть месяц, питаюсь кроликами и рыбой.

Тропинка к дому вела через настоящие джунгли из дикого винограда. Пробираясь через них, я следил за тем, чтобы оставить после себя как можно меньше следов. Надеялся я и на то, что не наступлю по дороге на змею.

Старый дом все еще был красив, даже в предутренних сумерках. Широкая веранда в некоторых местах печально осела, колонны корбились. Их единственной опорой была толстовольная пурпурная бугенвилея, которая была уже стара, когда я родился.

Я сорвал апельсин с заросшего дерева, прорезал в нем перочинным ножом дырочку и хотел было высосать сок, но почему-то снова посмотрел на дом. Нет. Бет всегда не любила его и ненавидела жизнь на острове. Это приемлемо только для кубинцев, говорила она.

Я поднялся по разохшимся ступенькам на веранду, увидел стаю птиц на мелководе и попытался не думать о Цо.

А вот она захлопала бы в ладоши, увидев все эти, и воскликнула бы: "Как красиво!" Цо любила бы старый дом так же, как и я. Старый дом оставался последним символом свободной и уединенной жизни тех времен, когда общество старалось ослабить сильных и усилить слабых.

Я сидел в ветхом шезлонге и наблюдал, как в наступающем утре проявляется материк. Нет, мне не следовало бы

иметь ничего общего с мистером Клифтоном. Я был глупцом, позволив Бет поговорить с ним. Ни один детектив не сможет сейчас доказать моей невиновности.

Пусть лучше Бет подготовит мне поездку в Гавану. С помощью любого рыбака. Позднее, когда я изменю свое имя и куплю дом и судно, она могла бы приехать ко мне. У меня больше нет нужды в сеньоре Пезо. На деньги, которые я имел, мы могли бы жить долго и беззаботно. Если Бет меня любит, она согласится на такую жизнь. Мысли о Бет отняли у меня спокойствие. Я попытался открыть большую переднюю дверь. Она была не заперта. Я вошел, закрыв дверь, сделал два шага в пыльную тишину и остановился.

И в этот момент мне стало ясно: в этом доме я не один.

Я вынул из кармана пистолет, который дала мне Бет. Он был на предохранителе, обойма полна патронов, но в стволе патрона не было. Я загнал патрон в ствол и направился через большую гостиную и длинную переднюю на кухню. В помещении было полно паутины и пыли. Солнце уже стояло достаточно высоко для того, чтобы попытаться обнаружить следы. Но кроме своих собственных, я больше никаких следов не нашел.

Я посмотрел сквозь заднюю дверь наружу. Почти все оконное стекло закрывал дикий виноград. Растительность острова доходила до самого дома и превратила сад в настоящие джунгли из дикого винограда, вечнозеленых дубов и цветущих пальмовых лилий. Я попытался открыть дверь, но она не поддавалась, потому что ее ручку уже оплели побеги винограда.

Я прошел через кухню к черной лестнице и вогнал себе приличную занозу в большой палец. Надо было срочно доставать ботинки. В тюрьме мне все время приходилось ходить в сапогах, и плотный защитный слой на подошвах ног исчез.

Я вытянул занозу из ноги и заковылял вверх по лестнице. В спальне тоже никого не было. Толстый слой пыли лежал нетронутым на полу. На кровати валялся, только матрац. Та-

кая же картина была и в трех других комнатах. Никто ни к чему не притрагивался и ничего не было украдено, потому что дом этот принадлежал Чарли Уайту. Если бы я был туристом и построил бы себе дом на острове, то ребятки "позаимствовали" бы все вплоть до проволоки и фундамента.

Я сел на кровать в бывшей спальне, но меня по-прежнему не покидало чувство, что я в доме не один. Я сунул пистолет в карман и закурил. Пришло время подумать, где мне организовать тайник для себя.

Если Джилли и Стоун не найдут меня в городе или у Бет, они не преминут наведаться на остров. Значит, сперва нужно будет отыскать наблюдательный пункт, откуда я мог бы увидеть их приближение.

Я подумал о своем наблюдательном гнезде – "капитанской будке", но сразу отказался от нее: подгнившие доски не выдержали бы моей тяжести. Кроме того, если бы меня заметили, там я мог оказаться в ловушке. Лучшее убежище было бы где-то вне дома, на острове. Но для этого мне требовались ботинки.

Тут я вспомнил о рыбачьих сапогах, которыми давно уже не пользовался. Я оставил их в спальне и попросил Бет, чтобы она их выбросила. Сейчас они, видимо, валялись на чердаке вместе с другим хламом. Чердак был единственным местом в этом доме, которое любила Бет. К тому же она никогда ничего не выбрасывала.

Я поднялся с кровати и посмотрел в окно на материк. Сей-

час он уже различался четко. Три судна направлялись в сторону Залива. Вероятно, это были туристы. Я спросил себя, какую рыбу можно было ловить в это время года. Для королевских макрелей было уже поздно, но другой мелкой рыбы полно. Лови, что попадетсЯ.

Поднимаясь по лестнице на чердак, я вдруг подумал: есть ли ад, и если да, то как он выглядит. "Я зарезервирую для тебя брюнетку", – сказал мне Шведе. Теперь он мог не стараться. Цо уже ждала меня там. Странно, что я провел с моей женой несколько часов, и Бет сделала все, чтобы доказать свою любовь, и тем не менее я опять думал о Цо. Может быть, я родился негодяем?

Этот дом выстроил мой прадед, когда полиция изгнала из Ки-Уэст береговых разбойников. Тогда рабочая сила и дерево стоили дешево. И старик выстроил чердак, как здоровенный танцевальный зал, где он с друзьями устраивал пляски. Чердак имел по два больших окна на каждой стороне и по два маленьких в углах. Правда, окна уже долгие годы были забиты досками, а сам чердак превратился в место для всякого хлама.

Там, наверху, должно быть, темно. На туалетном столике стояла керосиновая лампа. Я потряс ее. Керосин там еще оставался. Я вытер пыль со стекла и поднес спичку к фитилю.

Освещая себе путь лампой, я стал подниматься по узкой лестнице на чердак и нажал на тяжелую дверь, но внезапный

порыв ветра закрыл за мной дверь. Я сделал шаг вперед и остановился.

Я все-таки был прав: я был не один в доме. Сквозняка на чердаке не было, и дверь захлопнул не ветер, а чья-то рука. Я чувствовал это по запаху, кислотоватому запаху давно не мывшихся людей, запах мужчин, которые давно жили в страхе.

Я еще держал лампу в правой руке, но теперь поставил ее на пол и потянулся за оружием. Чья-то рука тут же схватила меня за запястье, не давая возможности достать пистолет.

Я оглянулся: возле стены сидели на походных кроватях и угрюмо смотрели на меня более дюжины мужчин. Такие лица я знал и раньше: встречал их на набережных и в пивнушках Гаваны, Порт-о-Пренса и Тибюрона. Лица людей без родины и паспорта. Гонимые и угнетенные, они просили милостыню, чтобы добраться до Штатов.

Нелегальные эмигранты, самый прибыльный груз при перевозках. Это было единственным, что я никогда не делал для сеньора Пезо.

Я дернул рукой.

– Чего вам нужно, черт возьми?

Узколицый человек сказал с сильным акцентом:

– Погаси свет!

Больше он ничего не сказал. Один из мужчин, словно крыса, подполз к лампе и, дунув в нее, погасил.

В тот же момент я ударил свободной рукой того человека, который меня держал. Он вскрикнул от боли, но руку не вы-

пустил. В темноте я услышал шаги, и на меня набросилось сразу несколько человек. Они молча били меня, сначала свалив на пол. Тем не менее мне удалось вытащить из кармана пистолет, и я выстрелил. Но они выбили из руки оружие, и кто-то с силой ударил меня между ног. Я рухнул на пол от дикой боли и тут же получил удар по голове.

* * *

Придя в себя, я обнаружил, что лежу в полутьме носом в землю. Запястья мои были скручены веревкой, а рот раздирал вонючий кляп.

Я перевернулся на бок и выплюнул кляп. В нескольких шагах от меня в густой листве пробивался солнечный свет. Били меня на чердаке, а сейчас я валялся под домом.

Следом я скинул веревки. И услышал голос сержанта Стоуна, глухо доносившийся через двойной пол.

– Ясно, Чарли был здесь. Надо было наведаться сюда еще вчера. В пыли повсюду его следы. Причем следы босых ног, значит, он переплыл пролив.

– Видимо, так. – Это был голос Кена.

Сапоги топали по дому. Я хотел выползти, но передумал и стал ждать крики и выстрелы, которые должны последовать, когда полиция обнаружит людей на чердаке. Я ждал довольно долго, но ничего не произошло. Имелось только одно объяснение: люди, таившиеся на чердаке, скрылись.

Сапоги снова затопали над моей головой, на этот раз в сторону полуразвалившейся веранды. И голоса стали отчетливее.

– Самое непонятное дело, с которым я когда-либо сталкивался, – сказал Кен. Его голос был удивленным и озабоченным. – Я этого не понимаю. Я вообще ничего не понимаю.

С берега кто-то крикнул:

– Уайт здесь был?

– Похоже, что был, – ответил Кен. – Но это еще не все. На чердаке стоит дюжина раскладных кроватей.

На берегу сочно выругались. Стоун сказал:

– Мне кажется, дом используют как временное убежище для нелегалов.

Послышалось чирканье спички – кто-то из них двоих закурил сигарету. Потом Кен сказал:

– Возможно. Эти проклятые рыбаки за деньги готовы на все. Как бы то ни было, Бет это не обрадует.

– Да, вероятно, – заметил Стоун. – Хотя всегда трудно сказать, как поведет себя женщина в той или иной ситуации. Вы думаете, миссис Уайт сказала вам правду этой ночью?

– Что вы имеете в виду?

– Просто странно, что мы не схватили Уайта этой ночью. Водитель такси высадил его в нескольких кварталах от ее жилья. Что, если он прятался у нее, когда мы приезжали? Ведь для того, чтобы одеться и пригласить нас войти, нужно не более минуты. Но этого она не сделала. Она даже не зажгла

свет, а потом эта кошка на рассвете. Когда подъехала патрульная машина, там никого не было, но миссис Пилли видела огонь. Кто это был?

– Даже не знаю, что и думать, – заметил Кен. – Бет поклялась, что ничего общего не хочет иметь с Чарли из-за этой кубинки. Но при этом она написала ему письмо, в котором сообщила, что хотела бы начать с ним жизнь сначала. Вы точно сказали, женщин трудно понять.

С берега крикнули:

– Что будем делать?

– Если бы я знал! – ответил Кен. – Будь я на месте Чарли, я бы давно уже удрал отсюда, но, поскольку мы на острове, надо его осмотреть.

Он спустился по полусгнившим ступеням и расчистил заросли ногой. Я прижался к песку. Мгновением позже он нагнулся и стал смотреть под дом. Он всегда был довольно полным и круглолицым и носил пенсне, которое делало его похожим не на полицейского, а на банковского служащего или священника.

Сержант Стоун строго повторил:

– Мы должны были прибыть сюда еще ночью. Помните, я говорил, что Чарли наведается в свой старый дом.

Кен всегда был вспыльчив, как мальчишка. Он отпустил куст, который придерживал рукой, и выпрямился.

– О'кей. Вы это говорили, а я не верил, потому что никогда не считал его дураком. Значит, вы были правы, а я неправ.

Если только эти следы оставил Чарли. Но вы можете доказать, что это его следы?

Сержант ответил:

– Нет, этого я доказать не могу, лейтенант.

Какое-то время оба молчали, а потом Кен громко сказал:

– Нам лучше вернуться и прислать сюда нескольких парней, чтобы они прочесали остров. Но, по моему мнению, это пустая трата времени.

– Почему? – удивился человек на берегу.

Кен объяснил:

– Чарли был бы настоящим глупцом, если бы остался здесь, где его каждая собака знает. Если история с сеньором Пезо соответствует истине, то эти люди наверняка его ждали. Поэтому и кровати на чердаке. А тот факт, что Чарли купил билет до Бонита-Спрингс, всего лишь его ловкий ход. И тогда он сразу направился сюда. На другой стороне острова имеются три бухты, где могут вставать на якорь довольно крупные суда. Вот он и отчалил с ними.

Сержант Стоун согласился с Кеном.

– Выглядит логично, лейтенант.

Злость Кена прошла.

– Давайте возвратимся на материк и спросим шефа, что делать дальше. Если появятся какие-нибудь определенные данные, что остров используют, как гавань для людей, ввозимых контрабандой, то он, возможно, захочет привлечь людей из федеральных властей.

И они направились в сторону берега. Голоса постепенно стихли вдали. Через несколько минут заурчал мотор, и моторная лодка быстро направилась в сторону материка.

Я вылез из-под дома и огляделся. Они взяли лодку у Мак-Нилли. Стоун и Джилли сидели на средней банке, а молодой полицейский в форме управлял лодкой.

Нападение на чердаке было легко объяснимо. Хотя это и был мой дом, но я сунул нос в такие дела, которые меня не касались. Чудо, что я еще остался жив. Возможно, они привязали бы груз и бросили меня в воду, но им помешали Стоун и Джилли. В панике они засунули меня под дом и спрятались на острове.

Я поднял камень и стал ждать. Ждал, наверное, с полчаса. Потом поднялся и пошел в дом. Там было так же спокойно, как и в первый раз, но чувство, которое владело мной раньше, исчезло. На цыпочках я поднялся на чердак.

Дверь была открыта, но чердак был пуст. Остались лишь десятки кроватей, на которых ютились люди.

Я поднялся по шаткой стремянке и протиснулся в "капитанскую будку". Отсюда был виден каждый уголок острова. Ветер прекратился. Листья пальм вяло свисали на солнце. Насколько я мог судить, на острове никого не было. Зато на противоположном берегу находилось судно, которое только что отчалило. Оно взяло курс на Тарпон-Спрингс. Я подумал, что там, видимо, и находились мои "друзья" с чердака. Во всяком случае, я надеялся на это.

Утреннее солнце начало припекать, я позволил его лучам согреть мою побитую шкуру. При этом поглядывал через пролив в сторону Пальмето-Сити. Вообще-то следовало чувствовать себя угнетенным, но ничего подобного не было. Я чувствовал себя вполне прилично. Надо было бы связаться с Бет и сообщить ей, чтобы она не навевалась сюда, но до темноты я был прикован к острову.

Судно, стоявшее около моего острова, исчезло из поля зрения. Зато век водная поверхность была усеяна самыми разными судами, лодками, челноками, моторками, парусниками.

Среди зданий на материке я отыскал контору Клифтона. Это было нетрудно сделать. Правда, дома вокруг, особенно отели, были крупнее дома Клифтона, но его контора была выкрашена белой краской, а наверху вдобавок развевалось большое знамя.

Я представил себе Клифтона, как помнил его по последней нашей встрече: маленький элегантный человечек с широко расставленными острыми глазами. Он вечно был занят, весь в мыслях и планах. Насколько я знал, он не был женат, но по слухам, ходившим на побережье, считался настоящим Дон-Жуаном.

Теперь Клифтон хотел жениться на Бет. Он посоветовал

ей развестись со мной и был готов пойти на то, чтобы купить остров. Я-то знал, почему. Бет была очаровательна и последние четыре года жила одна, Так что он желал полакомиться ею. И чем больше я над этим думал, тем сильнее росло во мне убеждение в том, что Бет сильно изменилась. Но зачем Клифтон хотел приобрести остров?

Я расстегнул габардиновую рубашку, чтобы вытереть кровь с разбитого в драке плеча. Как же я мог быть таким слепым? Ведь это наверняка Клифтон позвонил Кену.

Но Бет тоже допустила ошибку; она назвала его по имени и быстро поправилась. "Ты не прав по отношению к Джо... к мистеру Клифтону, Чарли, – так, кажется, сказала она при нашей встрече. – Он действительно порядочный человек. С таким же успехом ты мог бы сказать, что он – сеньор Пезо".

А почему бы и нет? Я сразу должен был бы подумать о нем. Такие, как он, всегда живут ради денег и никогда не считают, что имеют их достаточно. Чем больше я размышлял, тем больше понимал, что все было возможным. Он создал свое дело, подмяв конкурентов, и теперь в его магазинах было все, от духов и ручных часов до импортных сигарет и лучших сортов виски и вина. Его представитель сидел в Гаване, это я слышал от Бет. Кроме того, он имел серьезные деловые связи в Штатах, чтобы избавляться от всего, слишком рискованного.

Клифтон знал, как тяжело мне было расплачиваться за судно, и о том, что у Бет был выкидыш. Значит, ему было

проще простого поднять трубку и позвонить мне.

"Говорит сеньор Пезо, капитан Уайт. Как вы смотрите на то, чтобы заработать две тысячи долларов?" А потом, решив, что Бет для него важнее, чем я, поднял трубку и намекнул кое о чем береговой полиции.

Насколько же слеп может быть человек! Нет, теперь мне обязательно нужно поговорить с Клифтоном – конечно, если до этого меня не схватит полиция и не посадит за решетку.

На чердаке нашлись сапоги, о которых я вспомнил. Там же я натянул свои рабочие штаны и одну из моих старых белых шапочек. Все это я надел на себя и почувствовал себя самым собой.

Потом прошел на кухню. О еде мы с Бет думали мало. В кладовке я нашел только банку бобов. Я захватил с собой ее наверх, в "капитанскую будку", и вскрыл ножом. Продолжая наблюдать за проливом, я с удовольствием поел бобов, орудуя ножиком, как ложкой.

Около одиннадцати часов лодочная гавань Билла оживилась. То же, кстати, произошло и на опорном пункте здешней береговой охраны. Несколькими минутами позже из гавани вышел катер и судно береговой охраны.

Я закрыл люк "капитанского мостика" и спустился на землю. Пустую банку я завернул в старую рубашку и штаны. На берегу, спрятавшись за группой мангровых деревьев, я наблюдал за приближающимися судами.

Катер вел Френчи Горман. Я часто с ним рыбачил. Судя по

выражению лица Френчи, его судно было временно конфисковано для этой операции. Что касается его самого, то он наверняка желал, чтобы меня никогда не поймали. Он повернул к зарослям тростника, выключил мотор и бросил якорь. Потом уселся на ящик для наживки и свернул себе сигарету.

С покрасневшими от жары лицами, в пропитанных потом рубашках соскочили с катера Кен, сержант Стоун и еще с полдюжины полицейских из Пальмето-Сити и побрели по мелководью к берегу. Вода доходила им почти до колен. Энергичный молодой лейтенант последовал за ними с судна береговой охраны. За ним с убитым видом брели четверо солдат в рабочей одежде.

Кен начал стареть. Он не только пополнел, но стал какой-то бесформенный. Под глазами были темные мешки, которых четыре года назад я не замечал, свидетельствующие о том, что в жизни Кена произошли изменения. Я был даже рад, что не наведася к нему до разговора с Бет. Кен больше не был моим другом, он стал таким же легавым, как и другие полицейские. Легавый, который похож на священника и любит женщин и виски.

Мне стало немного нехорошо при виде его. Я вспомнил о прошлом, вспомнил о том, что он тоже был влюблен в Бет, и Бет сама сделала выбор. А я оставил Бет с раскрытыми от страха глазами и ушел на четыре года в тюрьму.

Был ли это Кен? Или Клифтон? Или кто-нибудь еще? Я не имел никакого права ревновать, но я ревновал. Пока я сидел

в камере, кто-то научил Бет любовным трюкам, которые она мне продемонстрировала.

Кен, Стоун и лейтенант поднялись по ступенькам в дом. Полицейские и солдаты присели на песке. Френчи сделал себе новую самокрутку. А я стоял, не шевелясь. Прошло минут пять, пока все трое вышли из дома.

Молодой офицер констатировал факт, который не мог остаться незамеченным:

– Кто-то был здесь и пользовался чердаком. Не исключено, что это была молодежь. Но могли быть и другие. – Он посмотрел на Кена. – Кому принадлежит этот старый дом, лейтенант?

Кен ответил:

– Чарли Уайту, человеку, которого мы ищем.

Офицер протер потную фуражку.

– Хорошо. Мы осмотрим остров повнимательнее. Но, кроме кроватей на чердаке, я не вижу никаких признаков того, что дом использовался в контрабандных целях. А чтобы начать официальное расследование, нам нужно нечто большее, чем кровати... Что касается Уайта, то он нужен вам, а не мне. Нас он не интересуется, пока не нарушит федеральных законов.

И лейтенант бодро отправился обратно к своему судну. Его люди облегченно последовали за ним.

Кен почесал толстый зад.

– Высокомерный выскочка! – Он пожал плечами. – Но, ко-

нечно, несколько кроватей на чердаке еще ничего не значат. Возможно, школьники организовывали тут свои вечеринки.

Один из полицейских хихикнул:

– Хотел бы я участвовать в такой вечеринке.

Кен бросил на него уничтожающий взгляд.

– Ладно, займемся делом. – Он без всякого воодушевления посмотрел на чащобу за домом и на берегу. – Давайте прочешем остров. Скотт, вы останетесь здесь, если Чарли еще на острове и попытается отсюда бежать.

Один из полицейских встал в тени веранды.

– Слушаюсь, – сказал он.

Кен разделил своих людей.

– Вы пойдете по левому флангу, Билл. Придерживайтесь берега. Пит, вы сделаете то же с правой стороны. Остальные будут прочесывать лежащую между ними местность. – Лицо Кена покраснело. – Но, по моему мнению, все это чепуха! Прочесать остров силами восьми человек – глупость. Но так велел шеф, и нам следует подчиниться.

Он вынул пистолет и снял его с предохранителя.

– Если увидите Уайта, не рискуйте, сразу стреляйте. Понятно?

Полицейские хором ответили:

– Понятно!

Я поглубже опустил в чашу мангровых деревьев. При этом я был очень осторожен, опасаясь, как бы не треснула ветка. Сильные летние дожди пошли мне на пользу. Но все-

таки было не так легко, как я думал. Три или четыре моих убежища сейчас не подходили. Кен хотел иметь меня не живого, а мертвого. И ориентировался он на острове не хуже меня. Он ведь тоже тут родился, только на другой стороне, в семье скваттера.

Я стал осторожно пробираться сквозь чащу диких лимонов, усыпанных спелыми плодами – большими, как мячи. Заметив, что все еще несу с собой узелок с рубашкой, штанами и консервной банкой из-под бобов, засунул их глубоко в заросли и пошел дальше.

Посреди острова было болото, окруженное, насколько я помнил, высокой травой. Там поймать меня было невозможно.

Внезапно из чащи позади себя я услышал вкрадчивый голос Кена:

– Чарли, – тихо позвал он, – Чарли...

В его голосе было что-то манящее, зовущее, словно он хотел сказать мне: "Я же твой друг! Не бойся. Доверься мне. Я хочу тебе помочь, Чарли".

Здесь было темнее от низких и густых крон деревьев. Я спрятался за дерево и стал ждать, пока не увидел Кена на просеке, через которую сам только что проскочил.

Кен опередил своих людей, идущих справа и слева, метров на триста. Его лицо было напряженным и красным, мягкая шляпа надвинута на глаза, защищая от солнца и ветвей. Оружие он держал на уровне плеча. Пока я наблюдал за ним,

он остановился и снова крикнул:

– Чарли, я знаю, ты здесь, отзовись!

В его голосе было что-то обманчиво-дружеское, когда он вот так останавливался с поднятым оружием. Кен выжидал, облизывая толстые губы. Его глаза ощупывали каждое дерево.

Пот, стекавший у меня по спине, стал холодным. Почему Кен меня так возненавидел и старался убить? Собственно-ручно. Потому что он был легавым? Или потому, что обманывал меня с Бет?

Он в третий раз позвал:

– Отзовись, Чарли! Я хочу тебе помочь!

Я беззвучно чертыхнулся и метнулся за соседнее дерево. А затем храбро вступил в болото. Один раз я провалился в яму, но быстро вылез. Вода была прохладной.

Уже отойдя довольно далеко по болоту, я услышал голос Кена:

– Осторожно, тут яма...

– Вы его выследили, лейтенант? – спросил полицейский.

– Нет. Только вот змею убил... Я-то по-прежнему считаю, что он смылся со своими кубинскими друзьями, которые тут его поджидали.

– Возможно, – согласился полицейский. – А мы что, пойдем через болото?

– Нет, обойдем стороной.

– Слушаюсь, лейтенант, как прикажете, – сказал полицей-

ский.

Я долго ждал ночи и, когда наступила темнота, выбрался из болота и осторожно пошел к берегу. Никто не пытался меня задерживать, никто не выслеживал за деревьями. Судно Френчи тоже исчезло. Я долго смотрел на дом, но там не видно было предательских вспышек сигареты.

Я устал и был голоден. Руки и плечи горели от укусов насекомых. Раньше я их не боялся, но, проведя четыре года в тюрьме, я потерял иммунитет к их укусам. И днем-то они мне изрядно надоедали, но с наступлением темноты их атаки стали просто невыносимыми. Я жевал мокрую сигарету, и мне очень хотелось курить.

Было время отлива. Я прошел через камыши и присел в траве, потом стал натирать места укусов соленой водой. Это помогло, но мало.

В конечном итоге я отправился к дому и сел на ступеньки. Пока было светло, я чувствовал себя сносно, но с наступлением темноты вздрагивал при каждом шорохе. Я не боялся самой темноты, а того, что могло возникнуть из этой темноты.

Прятаться на острове теперь значило то же, что сидеть в аквариуме. Ввозимые контрабандой люди прибыли на остров не сами по себе. Кто-то их привез и увез, зная теперь, что я их видел.

И потом Кен. Он чувствовал, что я был на острове. Один. По какой же причине он меня возненавидел и охотился за мной? Голова моя болела и мысли путались, я с трудом мог сосредоточиться. Бет обещала навестить меня сегодня ночью или завтра, но я каким-то образом должен ее предупредить. И сам убраться с острова, пока не взошло солнце.

Но куда?

Колокольный звон с материка напомнил мне о том, что сегодня воскресенье. Колокола звонили для меня и Цо.

Сколько времени прошло с тех пор, как она умерла? И сколько времени я уже находился в бегах? Казалось, прошла целая вечность. Никогда я не был в таком ужасном положении. Сделав одну ошибку, я должен был расплачиваться до самой смерти.

Не послушайся я сеньора Пезо, я и сегодня вечером пошел бы в церковь, сидел бы рядом с Бет и слушал проповедь отца Пола. После церкви зашли бы в кафетерий выпить кофе и съесть по сэндвичу, поговорить и посмеяться с приятелями, а потом отправились бы домой на виду у всех, и нам не надо было прятаться в темноте. Завтра я бы поднялся и отправился на рыбную ловлю или повез бы на экскурсию туристов, или...

Я перестал мечтать. Эти мечты были навеяны колокольным звоном. Человек остается человеком. Я не пошел бы в церковь, не пил бы кофе и не ел сэндвичи. Скорее, я бы отправился в жокей-клуб или к Салли. Бет сидела бы при этом

корректно и с неодобрением наблюдала, как я мешаю виски с пивом. А дома мы бы потом поцапались.

Из-за москитов я больше не мог оставаться на ступеньках. Я поднялся и пошел в дом. Ржавые железные сетки на окнах все-таки представляли какую-то защиту. Может быть, мне даже удастся найти недокуренную сигарету. Конечно, если еще найду и спички...

В доме было темнее, чем на воле. Я двигался на кухню, но вдруг окаменел, потому что скрипнула доска. Я отскочил в сторону и бросился на пол, перевортываясь в падении. В тот же момент грянул выстрел. Пока я катался по полу, раздалось еще несколько выстрелов. Пули впивались в доски, и только одна из них чиркнула по моим ребрам. Задержав дыхание, я ждал, когда Кен заговорит.

Мгновение царила полная тишина. С материка опять раздался колокольный звон. Потом я услышал хрипкое сдержанное дыхание и резкий металлический щелчок; стрелявший вынул пустую обойму и вставил новую. Я бросился на звук и схватил его. Он хрюкнул и выронил обойму. Тогда он попытался ударить меня пистолетом. Но мне удалось ударить его по почкам. Он взвизгнул и отступил, успев-таки стукнуть меня по голове. Я схватил его ноги и перебросил его через спину. Вскрикнув, он пополз от меня прочь. Я последовал за ним на коленях, пытаюсь не упустить в темноте.

Ногой наугад он пнул меня, а в следующее мгновение вскочил и помчался вверх по лестнице. Я за ним. На верхней

ступеньке он повернулся, чтобы снова пнуть меня ногой. Но я успел схватить его за щиколотку и дернул. Он просвистел над моей головой и грохнулся на пол.

Ступенька за ступенькой я спускался вниз, в темноту. Он упал на спину и еще тяжело дышал. Я опустился рядом с ним на колени и пошарил у него в карманах. Нашел спички и зажег, осветив его лицо. Это не был Кен. Я узнал того полного парня, который хотел меня пнуть ножом возле дома Бет. Я внимательно смотрел на его лицо, пока спичка не обожгла мне пальцы. Тогда я зажег новую.

Человек этот был мне совершенно незнаком. Одет в синие брюки и ботинки на толстой резиновой подошве, в спортивную рубашку. В кармане рубашки я нашел пачку сигарет и забрал их к себе. Они ему были больше не нужны. Он неожиданно бросил курить, когда голова его ударилась о доски первой ступеньки. Потом я нашел револьвер и полную обойму к нему, которую он выронил. Тщательно обыскал его карманы и нашел еще одну обойму, тридцать пять долларов бумажными деньгами и какую-то мелочь. Деньги я сунул обратно в карман, а обойму взял себе. Потом я прошел на кухню и вымылся.

Насос был еще в порядке. Я наполнил ручной насос водой и вымыл лицо и голову. Вода была теплой и пахла серой. Вытерся подолом своей рубашки, после чего вернулся и посмотрел на мертвого.

Мне хотелось узнать, кто он, этот проклятый парень, и по-

чему пытался меня убить, но в первую очередь: кто его послал.

Серебристый луч упал на порог, это взошла луна. Я загасил сигарету и заторопился к берегу, потому что прошло больше времени, чем я предполагал. С воды донесся голос, очень слабый:

– Нязель ахой, Чарли?!

Только три слова, больше ничего. Минутная тишина, а потом бульканье воды, и шум мотора на холостом ходу. Кто бы это ни был, он прибыл сюда без сигнальных огней и находился недалеко от меня. Снова раздался голос, на этот раз громче:

– Эй, на берегу, Чарли!

Я осторожно вошел в воду и, держась в тени мангровых деревьев, напряг зрение, чтобы различить очертания судна. Оно прошло мимо меня, и я узнал судно Френчи Гормана.

Глаза Френчи были такими же хорошими, как и мои. Винт заработал на обратный ход и снова донесся его голос.

– Ты тут, Чарли?

Я мгновение подождал и отозвался.

Френчи облегченно вздохнул.

– Вот и хорошо. Я уж было потерял надежду. Плаваю у этого проклятого острова с самых сумерек.

Я вынул из кармана пистолет и снял предохранитель.

– Ты один?

Голос Френчи прозвучал обиженно:

– А ты как думаешь?

Если кому и доверять, кроме Бет, так это Френчи. Я сунул пистолет в карман и выпрямился.

Френчи тихо подсказал:

– Залезай на борт. Лучше, если ты подплывешь. Я не хочу лишнего шума.

Я выбрался из зарослей и вошел в глубокую воду. Френчи все так же тихо сказал:

– С кормы свисает канат.

По канату я взобрался на палубу. Приятно было снова очутиться на судне. Конечно, хотелось бы, чтобы это было мое судно и чтобы оно находилось в заливе километров за триста от берега.

Френчи совсем не изменился. Он него по-прежнему пахло ромом и дешевым табаком. Лысый маленький человечек лет сорока пяти с густыми темными бакенбардами и загрубевшим лицом. Вдобавок постоянно помаргивающие черные глазки и орлиный нос. Он был хорошим рыбаком и хорошим другом. Если ему человек нравился, он не мог совершить по отношению к нему подлость. Если же ему человек не нравился, то он с ним не имел никакого дела. Как ни странно, но в выборе друзей он почти никогда не ошибался.

Я попытался дышать спокойно.

– Откуда ты узнал, что я на острове?

В темноте я мог видеть только его белые зубы.

– Видел тебя.

– Когда?

Френчи, казалось, забавляли мои вопросы.

– Сегодня утром.

– Утром?

– Да, когда привозил сюда Стоуна и Джилли. Ты стоял внизу, у берега, метрах в шестидесяти от тропинки. Под мангровым деревом. С узелком в руке.

– Все правильно.

– Черт возьми, конечно, правильно.

– А почему ты ничего не сказал Кену?

Френчи сплюнул за борт и вынул из кармана сигаретную бумагу.

– Этому выродку? – Он насыпал табак на закрутку. – Приказал везти его на остров. По приказу полиции.

– Он же полицейский, – осторожно сказал я.

– Ну и что?

Я ничего не ответил. Просто не мог уже. Дошел до последней точки. На материке мерцали и двигались огоньки. Мои колени дрожали. Я сделал усилие, чтобы заставить их успокоиться, но не смог. Даже наоборот: теперь я дрожал всем телом.

Френчи повернулся спиной к матерiku и сунул себе в рот сигарету. Потом посмотрел на мое лицо и глубоко затянулся.

– Боже мой, что с тобой случилось, Чарли?

Я ответил, стуча зубами:

– Только что убил человека.

– В драке?

– Да.

– Почему?

– Потому что он собирался меня убить.

– Где?

– В доме.

– Кто он такой?

– Понятия не имею. Впервые вижу. Прошлой ночью он хотел мам убить около дома Бет.

– Он был один?

– Этого я тоже не знаю.

Френчи задумчиво наморщил лоб.

– В таком случае, – решил он, заводя мотор, – нам лучше всего смыться отсюда.

Когда мы, не включая огней, отошли от острова, Френчи протянул мне бутылку рома.

– На, выпей, а потом расскажешь.

Я отвинтил пластиковую крышку и вытянул пробку зубами. Ром благотворно подействовал на меня. Теплота разлилась по телу. Я отпил еще глоток и заметил, как постепенно перестал дрожать.

Вернув бутылку, я получил от Френчи полотенце.

– Снимай свои мокрые шмотки.

Сухие брюки и рубашка лежали на моей койке. Так же шапочка и парусиновые ботинки.

– Меня можешь не благодарить. Все это послала твоя старушка.

Я схватил его за руку.

– Тебя Бет послала на остров?

– Угу.

– Зачем?

– Она весь день дрожала от страха. Пришла в гавань, едва я привез сержанта Стоуна и Джилли, хотела нанять судно. Но боялась, что полиция наблюдает за ней. Практически так оно и должно быть. Джилли велел всем рыбакам записывать, кому они сдают свою лодку. Имена и адреса и все прочее. Вот же кусок выродка.

Я разделся и растерся полотенцем докрасна.

– Джилли не так глуп. Он знал наверняка, что я на острове.

– Нам он об этом ничего не говорил.

– А что он говорил?

– Что ты, вероятно, уже держишь путь на Кубу.

– Кен ненавидит меня, как чуму.

– Поэтому-то твоя жена так беспокоилась.

Я спросил его напрямик:

– Я что, стою у него на пути?

Френчи нагнулся, чтобы лучше рассмотреть буюк.

– Она мне сегодня рассказала, что Кен преследовал ее с тех пор, как тебя отослали в тюрьму. Хотел, чтобы она развелась с тобой и вышла замуж за него.

Вот, значит, как. Теперь претендентов стало двое. Я прошел в каюту, чтобы одеться. Все было новое и сложено в пластиковую сумку фирмы Клифтон.

Френчи между тем продолжал:

– Как рассказывала Бет, он чуть не лопнул от злости, когда она ему сказала, что написала тебе примирительное письмо. А сегодня он ее продержал два часа в полиции, чтобы она созналась, что ты прошлой ночью был у нее.

Шапочка пришлась впору, как и остальные вещи. Я прошел на кокпит и прислонился к ящику с наживкой.

– А ты-то сам как, Френчи?

Он понял, о чем я хотел сказать.

– Будем считать, что ты раньше уже оказал мне любезность.

– Но ведь они гоняются за мной, как черти за грешной душой. – Френчи это не беспокоило.

– Кому ты говоришь! Я сегодня даже не мог спокойно слушать бейсбольный репортаж. Он все время прерывался сообщениями о том, как тебя ищут и так далее. Поверь мне, Чарли, этот выродок, возможно, и знал, что ты на острове. Но многие из-за тебя не спят по ночам. Боятся.

Сигареты, которые я забрал у убитого, промокли. Я взял у Френчи табаку и свернул самокрутку.

– О'кей! Теперь можешь меня спрашивать.

– О чем?

– Убил я ее или нет.

Френчи переставил мотор на холостой ход. Судно почти не двигалось, его сносило приливом к берегу.

– О'кей! Ты убил Цо?

– Нет.

– Я так и думал, – заметил Френчи. – А ты знаешь, кто это был?

– Тоже нет.

Он кивнул на остров, скрытый темнотой.

– А что ты скажешь насчет того человека, о котором только что говорил?

– Не знаю. Но сомневаюсь.

– Почему?

– Чувство подсказывает.

– Какое чувство?

– Думаю, его просто наняли. – Я закурил самокрутку. – А кто занимается контрабандой людей, Френчи?

Френчи долго молчал.

– Этого я действительно не знаю, – сказал он наконец. – И не то, что я не хочу этого говорить, – до меня порой доходили слухи. Но они никогда не концентрировались на одной и той же личности. Ты же знаешь, как это у нас бывает на побережье.

– Да.

– Значит, эта история с кроватями на твоём чердаке верна?

– Да, – снова подтвердил я. – Сегодня утром там был десяток человек. Они напали на меня, едва я вошел. А когда наконец очнулся, увидел, что лежу под домом. Возможно, меня спасло появление Кена, Стоуна и лейтенанта береговой охраны. Кто бы ни "сгрузил" там этот товар, у него не осталось времени, чтобы убить меня. Они в спешке смылись с острова. Ты не помнишь, кто здесь владеет тридцать восьмым с двойной каютой и двумя моторами?

Когда мы миновали сигнальный буй, Френчи включил мотор и сел рядом со мной.

– Здесь имеется только одно судно подобного типа.

– А чье оно?

– А как ты думаешь? Конечно, Клифтона.

Я отыскал бутылку, вынул пробку и снова глотнул рому. То, что сказал сейчас Френчи, соответствовало моим мыслям. За то время, пока я сидел в тюрьме, Клифтон должен был подыскать судно и замену мне, а также продвинуть свои отношения с Бет.

Ром на пустой желудок ударил мне в голову. Поэтому я оставил бутылку.

– Кто водит посудину Клифтона?

– Мэтт Хэлли.

– А что с судном Мэтта?

– Затонуло с туристами четыре года назад. Вскоре после того, как ты сел. Люди чуть было не погибли. Насколько я знаю, они до сих пор судятся с Мэттом.

Знакомая картина: человек мечется взад вперед по комнате, он срочно нуждается в деньгах. И вот звонок телефона.

"Говорит сеньор Пезо, капитан Хэлли. Вы ищете работу? Которая хорошо бы оплачивалась? И которую вы знаете?" Разве человек в таком положении откажется? Возможно, Мэтт увяз больше, чем я. И если он водил судно Клифтона, то он, должно быть, знал, кого называют сеньором Пезо.

– А почему ты спрашиваешь? Видел судно Клифтона сегодня утром? – поинтересовался Френчи.

– Во всяком случае, очень похожее. Отошло от острова с противоположной стороны, когда прибыли Кен и Стоун.

Френчи достал бутылку, изрядно отпил и протянул мне.

– Допивай и выкинь за борт.

На этот раз ром не показался мне таким уж хорошим. Наверное, потому, что все уже стало поперек горла. Значит, сеньор Пезо – Клифтон. Но мне теперь все было совершенно безразлично. Я ни на кого не злился. Даже на Кена. Имея сорок восемь тысяч долларов, мы с Бет могли начать все сначала, и я бы стал таким мужем, какого она ждала. Если только удастся спастись.

– Куда сейчас мы плывем? – насторожился я.

– Через бухту, к Салли.

– Там меня ждет Бет?

Френчи кивнул.

– Я привез ее туда, прежде чем отправиться за тобой. Ты-то можешь исчезнуть, прыгнув за борт, если что не так, а она не может.

– Салли для нее самое подходящее место.

– Где же еще она может встретиться с тобой? – подтвердил Френчи. – На ступеньках ратуши? Или перед музыкальным павильоном в парке Филиппа?

– Все верно, – согласился я.

Кроме профессиональных рыбаков, мало кто знал о Салли. К нему вело нечто вроде дороги через береговую полосу, но ее никогда не использовали чужие водители. Салли сам себе добывал пропитание с помощью лодки. Конечно, иногда он делал закупки и в Тампа или Пальмето-Сити. Все остальное происходило под покровом ночи. У Сальваторе, рослого португальца, весившего сто сорок килограммов, бы-

ли очень именитые гости. Бар и отель стояли на сваях в конце ряда маленьких бухточек, и нужно было очень хорошо знать этот участок побережья, чтобы отважиться сюда заплывать. У Сальваторе всегда имелись хорошие напитки и хорошая еда, и, конечно, у него играли. Когда к нему навывался рыбак, с хорошей выручкой после продажи макрели, жаждущий женского общества, то кельнерши Салли всегда были готовы исполнить любое его желание. Разумеется, за деньги.

Связаться с Мэттом Хэлли я не мог. Если Мэтт работал на Клифтона, а Клифтон был сеньором Пезо, он бы с радостью взялся переправить меня на Кубу, а на самом деле отправил бы на дно морское, привязав меня к якорю.

Я снял шапку, проветривая голову. Впервые за последние два дня с меня как-то спало напряжение.

– А что ты скажешь, Френчи, если я попрошу тебя переправить нас с Бет на Кубу? Сможешь купить новую посудину.

Он был искренне удручен.

– О, боже ты мой, Чарли! Я бы охотно это сделал. Мне нужно новое судно, но...

– Что "но"?

Он ударил рукой по борту.

– На этом челноке нам туда никогда не добраться. Он не сегодня-завтра развалится. Прогнил насквозь.

– А что скажешь насчет Форта-Майерс?

– Туда можно добраться. Черт бы меня побрал, я ведь каждый день бываю на песчаных отмелях.

– А Скип и Гарвей смогли бы нас оттуда переправить дальше?

– Да, возможно, – заметил Френчи и надолго замолчал. Потом сказал спокойно: – Но это тебе не поможет, Чарли. Даже если ты доберешься до Кубы.

– Почему?

Френчи выудил из своего запасника вторую бутылку рома и откупорил ее. Отпив изрядный глоток, он передал бутылку мне.

– Об этом я уже давно думаю. С тех пор, как они организовали охоту на тебя.

– Но почему же?

Френчи перевел судно по немаркированному фарватеру в темную бухту, по обеим сторонам которой росли мангровые деревья.

– На Кубе у тебя нет никаких шансов.

– Почему?

– Как звали девушку, которую ты якобы убил?

– Цо Пальмира.

– Американка?

– Нет, кубинка. Я познакомился с ней в Гаване.

Френчи приглушил мотор, остановив судно. Мангровые деревья нависали так близко, что до них можно было дотронуться багром.

– В том-то все и дело.

Я покачал головой.

– Не понимаю.

Он выгнулся вперед, разглядывая мерцающую точку среди деревьев: маленький фонарь на пирсе Салли, который питался от собственной батарейки.

Наконец сказал:

– А ты покумекай, как следует, Чарли. Неужто ты всерьез думаешь, что кубинская полиция оставит тебя в покое после всех этих криков, которые устроила полиция в наших газетах, по радио и по телевидению? Неужели ты считаешь, что они тебе дадут спокойно прогуливаться по Прадо, как будто ничего не случилось? Или выдадут лицензию на новое судно. Нет, они покажут тебе такое, что ты взвоешь!

Мечта стала блекнуть.

Френчи снова включил двигатель.

– Да, да, покажут! – повторил он. – Возьмут дело в свои руки, и тут уже ничего не попишешь.

Я схватился за поручни, и меня вывернуло наизнанку. Френчи был прав. Мечты были тщетными. И Шведе предсказал мне будущее. Прежние времена кончились, на одного себя и Бога уповать было нельзя. Человеку, которого обвиняли в убийстве, нельзя найти тихой гавани. Я мог изменить имя и начать зарабатывать на жизнь другим способом, но свои волосы, лицо и тело я изменить не мог.

Сорок восемь тысяч долларов? Смешно. Я не имел и деся-

ти центов. У меня не было даже шансов добраться от берега до банка. Первый же полицейский в Гаване сразу же сцапает меня и отведет куда следует.

Меня опять затрясло. Бутылка с ромом выпала у меня из руки и упала в воду.

Какое-то мгновение она потанцевала на воде и затонула.

У пирса стояло с полдюжины судов – почти все рыболовецкие. Исключением было судно Корка Аверса. Я спрыгнул на пирс, поймал канат, который бросил мне Френчи, и накинул его на столбик. Френчи закрепил канат на корме и присоединился ко мне.

Музыкальный аппарат в баре наигрывал милую песенку о луне. Я спросил Френчи, как называется этот шлягер.

– Если не ошибаюсь, "Как высоко висит луна". Появился после того, как ты сел.

Как высоко висит луна. Что мне было делать? Пирс был длинный и узкий, и мы шагали по нему среди гор ракушек.

Бар Салли мог показаться романтичным, но на самом деле не был таким. В нем было жарко, грязно и скверно пахло...

В баре сидело восемь – десять человек. Все приветствовали Френчи кивком головы. Один из них сказал: "Хэлло".

На меня никто не обратил внимания. Их нельзя было назвать неприветливыми, просто каждый занимался своим делом. Таково было единственное правило в заведении Салли.

За столом рядом с Корком Аверсом сидела маленькая пьяная брюнетка, которая чуть ли не вылезала из своего платья. Она бросила на меня взгляд и судорожно сглотнула.

– Черт возьми! Это же Чарли Уайт! Разве это не парень, которого ищут?

– Заткни свою проклятую глотку, – сказал Корк, продолжая размахивать бутылкой в такт музыке.

Я никогда не видел Салли в обуви. Не было ее и сейчас. Он стоял за стойкой без рубашки, только в одних белых брюках из парусины. Его живот вываливался из-за пояса. Салли постарел. Вьющиеся волосы на груди поседели.

– Добро пожаловать, господа, – сказал он и поставил на стол две жирные кружки с пивом. Потом, даже не бросив взгляд на меня, показал головой на дверь и неслышно произнес губами "семь".

– Как поживаешь, Салли? – спросил Френчи.

– Хорошо, очень хорошо, – ответил тот.

Я отпил пива, а потом прошел по коридору к комнате № 7 и постучал.

Бет спросила тихо и с опаской.

– Кто там?

– Чарли.

Она открыла дверь. Я вошел и закрыл ее за собой. Это было маленькое квадратное помещение с некрашеными деревянными стенами. В комнате находились стол, стул и кровать. Чтобы платье не пропотело, Бет сняла его и повесила на вешалку. На ней были только бледно-розовая нижняя рубашка и белые сандалии на высоких каблуках. От жары ее волнистые волосы висели прядями. Она была настолько потной, что рубашка прилипла к телу.

– Я не хотела ждать снаружи, – сказала она. – Поэтому

Сальваторе предоставил мне эту комнату.

С потолка на зеленом шнуре свисала 25-ваттная лампочка. Я остановился перед Бет и посмотрел на нее. Она была действительно хороша, как мне и помнилось. Но она так постарела. Появились морщинки, а под глазами темные круги.

Я поднял ее за подбородок.

– Ты выглядишь как невеста.

Она поднялась на цыпочки и поцеловала меня.

– Мне тоже так кажется...

Потом она спрятала свое лицо у меня на груди и заплакала.

– Я так беспокоилась...

Какое-то время я крепко прижимал ее к себе, наслаждаясь этими объятиями. А потом она подняла голову и дотронулась до порезов и ссадин на моем лице.

– Кто это тебя?

– Ты не знаешь. Это случилось на острове.

– Кто же?

– Я никогда раньше не видел его.

– Где он теперь?

– Убит.

– Кто его убил?

– Я.

Бет снова начала плакать. Потом откинула голову назад и посмотрела на меня.

– Что же будет?

– Мы попали в еще более неприятную историю, чем история с Цо, – сказал я ей. – Кто-то использовал наш старый дом как временное прибежище для эмигрантов, ввозимых контрабандой.

Теперь ее голос был уже не настороженным, а скорее энергичным.

– Кто?

Мои ноги были все еще слабы. Я сел.

– Пока не знаю. – На столе лежали сигареты, я взял одну и закурил, глубоко затягиваясь. – Мне надо поесть.

– Ты не ел?

– Съел только банку бобов.

Я открыл дверь и прошел по коридору. Салли вопросительно поднял свои пушистые брови. Я заказал рыбу горячего копчения, хлеб и пиво.

Когда вернулся, Бет сидела на кровати. Я поставил поднос на стол и снова запер дверь.

– Сегодня я говорила с мистером Клифтоном. Ты был прав, он меня высмеял. Сказал, что не существует ни малейшего сомнения, что Цо убил ты, и что было бы большой глупостью тратить деньги на детектива.

– О Клифтоне потом, – сказал я. – Поговорим сперва о Кене.

– А что с ним?

– Он дважды был на острове.

– Я знаю, поэтому я так и беспокоилась.

– Важнее другое, он знал, что я там, и заставил меня уйти на болото. Но он не хотел меня арестовывать, он хотел меня убить. Не как полицейский, а как человек. Почему?

Бет сидела, опустив голову и теребя свою рубашку.

– Ну, ведь ты знаешь, что Кен влюблен в меня. Во всяком случае, был. Может, это из ревности?

Рыба была вкусной, только слишком жирной. Я вытер руки полотенцем, лежащим на столе и, видимо, предназначавшимся для другой цели.

– А у него был повод для этого?

Бет перестала теребить рубашку и посмотрела на меня.

– Ты не имеешь права задавать мне такой вопрос.

Жара в комнате была такой густой, что дышалось с трудом. Я запил рыбу несколькими глотками пива.

– И тем не менее я спрашиваю, Бет.

– После всего, что у тебя было с Цо?

– Да, несмотря на это.

У Бет задрожали руки и губы, лицо скривилось, словно она вот-вот снова заплачет. Она резко откинула голову.

– Да, у него были основания, если ты уж так хочешь знать.

Рыба уже не казалась мне такой вкусной. Напротив, она словно застряла в горле.

Слезинка покатилась у Бет по щеке. Ее глаза по-прежнему смотрели на меня.

– Я могла перенести то, что ты попал в тюрьму, но мысль о другой женщине меня совсем убила. Кен был добр. Он за-

ходил ко мне на квартиру, в контору, мы беседовали. – В ее голосе появились истерические нотки. – А однажды это случилось. Мне было безразлично. И потом я считала, что расквиталась с тобой. – Она провела рукой по груди. – Мне это даже понравилось. Впервые в жизни это доставляло мне радость. Казалось, будто спали оковы. – Она еще больше заплакала. – Так продолжалось около месяца, а потом я снова пришла в себя. Стало ясно, насколько я себя унизила. Я попыталась протестовать, перестать видаться с Кеном. – Она всхлипнула. – Но Кен и слышать не хотел об этом. Он вынуждал меня. Говорил, что убьет меня, если я порву с ним.

Наконец мне удалось проглотить кусок рыбы.

– Каков подлец! – выдавил я. – Жирный и подлый трус!

Бет продолжала всхлипывать.

– Поэтому он тебя и ненавидит. И хочет тебя убить. Он расвирепел, когда я сказала, что написала тебе и что хочу начать жизнь сначала. – Она вытерла глаза тыльной стороной ладони. – Поэтому мое письмо к тебе и нельзя назвать любовным, я хотела тебе все рассказать, когда мы встретимся, потом ты оказался перед моей дверью, и это показалось для меня самым важным.

Я подошел к кровати и сел рядом с ней.

– Бет, дорогая, любимая...

Она ускользнула из моих объятий.

– Нет, не прикасайся ко мне. Это ты виноват, что все так случилось. Я четыре года жила с ложью. – Она сотрясалась

от рыданий. – Я даже стыдилась ходить в церковь. Отвращалась, когда встречала на улице отца Пола. – Она встала и стянула с себя рубашку. На ее теле под левой грудью были синие кровоподтеки. – Если ты мне не веришь – посмотри.

– Кто это сделал?

Она всхлипнула.

– Кен. Сегодня утром он опять приходил ко мне. – Она словно бросала мне слова в лицо. – И он бил меня за то, что я не хотела подчиниться его воле. А я не могла с ним после того, как опять стала твоей.

Она упала на кровать и горько зарыдала. Я боялся при-
тронуться к ней, боялся утешить ее. Во всем виноват я, под-
лец Чарли Уайт.

– Я его убью! – проскрипел я. – Я его убью!

Бет все еще плакала. Какое-то время отдаленный шум
вентилятора и ее всхлипывания были единственными звуками.
Потом она повернулась и вытерла глаза.

– Теперь ты все знаешь.

Я кивнул. Да и что было говорить? Что мне очень жаль?

– Дай мне, пожалуйста, сигарету.

Я выполнил ее просьбу. Бет лежала на спине и курила вза-
хлеб. А когда заговорила, в голосе ее опять прозвучал страх.

– Что ты будешь теперь делать, Чарли? Я имею в виду Ке-
на.

– Во-первых, убить негодяя!

– А потом?

– Не знаю.

– Ты меня ненавидишь, правда? Я нагнулся и поцеловал ее.

– Почему я должен тебя ненавидеть, если сам во всем виноват? Ты говорила с Клифтоном?

– Да.

– И что он сказал?

Она убрала волосы со лба.

– Джо очень рассердился. Сказал, что ни на йоту не сомневается, что это ты убил Цо. Назвал меня настоящей дурой, поскольку я еще думаю о тебе.

– Он знает, что ты меня уже видела?

– Нет.

После того как она рассказала мне о ее отношениях с Кеном, мой следующий вопрос был еще более щекотливым. Я взял ее ладонь и начал тереть пальцы.

– А что ты скажешь о Клифтоне?

– В каком смысле?

– Ты называешь его Джо. Значит, хорошо его знаешь.

Бет отвернулась лицом к стене.

– Конечно, хорошо, ведь я пять лет работаю у него личной секретаршей.

– И как далеко вы зашли?

– Как далеко? – Ее плечи содрогнулись, и она снова заплакала. – Ты не имеешь права задавать мне такие вопросы.

– Значит, ты и с ним была близка?

Ее губы задрожали.

– Нет.

– Не лги!

– Ну хорошо... Только один раз.

Каждое ее слово дергало меня за нервы.

– Где?

– На его судне.

– Когда?

– Приблизительно полгода назад. – Ее губы презрительно скривились. – Но я этого не хотела. Он несколько лет за мной ухаживал, причем самым благородным образом. А потом он как-то напился на своем судне.

– А тебе чего там понадобилось?

– Он пригласил меня якобы продиктовать что-то важное. О, Чарли, это было ужасно! Я хотела защититься, но не смогла. Он отнес меня в каюту, сорвал одежду и... – Она не смогла дальше говорить.

Я еле выдавил из себя:

– А потом было еще?

– Нет.

– Почему же ты продолжала работать у него?

– Мне надо было жить! Кроме того, когда он протрезвел, он извинился. Очень сожалел, когда узнал, как все произошло. Сказал, что этого бы не было, если бы он не любил меня уже давно. Просил меня развестись с тобой и выйти замуж за него. Он обещал мне все условия, достойные меня. Так

он сказал.

– Почему же ты не вышла за него?

Бет сделала беспомощный жест.

– Я же тебе сказала, что люблю тебя. Кроме того, у меня была связь с Кеном. – Она стала всхлипывать громче. – О, Боже, как бы я хотела умереть!

Я слегка шлепнул ее.

– Перестань! – Вентилятор продолжал гудеть в моих ушах, потом я понял, что это не вентилятор, а сердце мое так бьется. – Перестань извиняться. Во всем виноват только я. Ведь начал я: и с сеньором Пезо, и с Цо. Клифтон был настойчив? Я имею в виду относительно женитьбы?

– Очень.

– Он знал, что ты мне написала?

Бет в отчаянии покачала головой.

– Не знаю. Я вообще ничего не знаю. Я не плохая и не хочу быть плохой. Знаю только одно: надо выпутываться из этой истории. Почему бы нам не уехать куда-нибудь? Подальше отсюда. И только мы вдвоем.

Пиво стало теплым и кислым. Я прополоскал им рот и поставил бутылку обратно на стол.

– Мы не можем уехать. Во всяком случае, это нам не поможет. Френчи по дороге мне объяснил почему.

– Что же делать?

– Выяснить все обстоятельства. Если я не ошибаюсь, Клифтон и есть сеньор Пезо, – сказал я, поморщившись.

Бет села и прижалась ко мне. Она была испугана.

– Ты можешь это доказать?

– Нет, – признался я. – Пока не могу. Но судно Клифтона сегодня утром увезло с острова группу людей, прибывших контрабандой. Клифтон так же всегда имел возможности избавиться от того, что я привозил ему контрабандой. И он знал, что я нуждаюсь в деньгах, – тогда, четыре года назад. Ты сказала, он давно ухаживает за тобой? И он же предложил, чтобы ты уехала с острова?

Бет потерла лоб.

– Конечно. Я и сама должна была все понять. Теперь мне ясно. Клифтон передал деньги Цо, чтобы ты не вернулся ко мне. А когда узнал, что я тебе написала, испугался, что ты вернешься, и убил Цо. Ты не мог видеть лицо Джо Клифтона там в домике. А Цо знала, кто он.

– А его в ту ночь не было в городе?

– Нет, он сказал, что ездил по делам. – Бет прищурила глаза. – Что же делать, Чарли?

Я вынул из кармана оружие, которое забрал у того негодяя на острове.

– Не знаю, – признался я. – Не знаю, дорогая. Моя голова не приспособлена для того, чтобы решать проблемы подобного рода. Я всего лишь рыбак и не соображу, что теперь делать.

– А я знаю, – сказала она спокойно. – Я теперь точно знаю, что мы должны делать, чтобы рассчитаться с Кеном и

с Клифтоном, – Она расстегнула мне рубашку и провела ладонью по моей груди.

– Что?

Бет ответила уклончиво.

– Ты был готов, дорогой, пойти теперь на риск? На большой риск? А потом мы могли бы вместе уехать.

– Я, право, не знаю, – выдавил я.

Бет придвинулась еще ближе и провела губами по моему рту.

– А ты знаешь, что я тебя люблю? – Она продолжала гладить мою грудь.

– Да, конечно.

– И ты меня любишь?

– Люблю.

– Ты серьезно говоришь это, Чарли? Ты действительно меня любишь? Несмотря на все то, что я тебе рассказала? О Кене и мистере Клифтоне?

Жара в комнате была такая, что ее, казалось, можно было схватить рукой. Она накрывала нас словно одеялом, затрудняла дыхание. Я чувствовал запах дерева, запах Бет.

– Я же сказал, что это не твоя вина.

Глаза Бет превратились в маленькие щелки.

– И ты меня прощаешь?

Струна была натянута до предела. Я сглотнул, чтобы уменьшить давление на уши.

– Конечно, переходи к делу, Бет. Что я должен делать?

– Я скажу тебе, – ответила она. – Прямо сейчас. – Ее губы раскрылись. – Но сперва докажи мне свою любовь...

Шум вентилятора и биение наших сердец сопровождали мои доказательства того, что я ей все простил.

Бет взяла машину напрокат на свое имя, и мы условились встретиться под королевскими пальмами. Пока она ходила за машиной, Френчи оставался со мной, и мы шепотом договорились с ним обо всем.

Потом он пожал мне руку, пожелал счастья и исчез в темноте.

Бет подъехала на стареньком черном "шевроле" и соскользнула с водительского места.

– Веди ты машину.

– В чем дело? Нервничаешь?

Она откинула голову назад.

– Наверное. – Достала сигарету и сунула себе в рот. –
Смотри, как дрожат мои пальцы.

Я включил зажигание.

– Ты уверена, что сможешь пойти со мной до конца?

– Это же единственный возможный путь, чтобы освободить тебя от всякого подозрения. Ты ведь сам понимаешь это, Чарли, не так ли?

– Да, конечно. – Я включил мотор.

– Нет, сперва поцелуй меня, – потребовала Бет.

Я поцеловал ее. И какое-то странное чувство овладело мной – на душе было одновременно и хорошо и печально. Казалось, будто я умер и снова воскрес, чтобы вскорости

снова умереть. Но это меня совсем не трогало.

Я медленно поехал вдоль побережья. Элегантное судно Клифтона стояло на якоре. В задней каюте горел свет. Проезжая мимо, я мог видеть Мэтта Хэлли. Он сидел на койке и читал.

Машин на дороге было мало, и еще меньше – прохожих на тротуарах. Парк Филиппа выглядел покинутым. Как и все Пальмето-Сити. Но магазин Клифтона был еще открыт. Он работал вообще без выходных дней с восьми утра до полуночи. В воскресенье – один из самых удачных дней – многие люди приезжали издалека, чтобы сделать закупки, а Клифтон всегда предлагал что-то особенное, устраивал воскресные сюрпризы. Однажды это было цирковое представление на парковой площадке, в другой раз – приезжала группа первоклассных певцов Хилла Билли.

Между паркующимися машинами на 14-й улице напротив склада нашлось свободное место, и я поставил туда машину, но когда хотел выйти, Бет меня задержала.

– Нет, я пойду одна. Уже поздно, и, возможно, Джо ушел домой. Тогда придется ехать к нему домой.

– А если он здесь?

– Я как-нибудь завлеку его к машине.

Я спросил ее, не дать ли ей пистолет. Бет с презрением ответила:

– Мне не нужно оружия. Смотри лучше, чтобы тебя не опознали. Я пообещал быть осторожным. Снова Бет поцело-

вала меня и пошла по тротуару – достойно, холодно и красиво в своем зеленом платье. Ее светлые волосы отливали золотом в огне больших витрин. Она выглядела, как весталка, направляющаяся к храму, чтобы зажечь факелы.

Вот уж эти женщины!

Я внимательно наблюдал за прохожими, потом потянулся за сигаретой, но оказалось, что они кончились.

На перекрестке регулировал движение Хуб Коннерс, кроме него полицейских поблизости не было. Я проскользнул в магазин Клифтона через боковую дверь и купил себе пачку "кэмел". Пока ждал сдачу, по радио сообщили, что в кондитерском отделе можно купить банановые плитки за шестнадцать центов.

Я огляделся, ища глазами Бет. Наконец заметил ее в будке телефона-автомата. Девушка за прилавком подала мне сдачу.

– Что-нибудь еще желаете, сэр?

На прилавке лежала стопка воскресных газет. Я попросил газету и направился к машине. Если держать газету под углом, то можно читать ее в машине в свете витрин.

Я понял, что имел в виду Френчи. Судя по заголовкам, я довел полицию до белого каления. Туда звонил каждый второй, чтобы сообщить, что якобы видел меня.

Я прочел весь отчет. Общественность приглашалась участвовать в поисках. Писалось, что я вооружен и опасен. Далее следовало мое описание. Куда интереснее были неко-

торые подробности о Цо. Какая-то светлая голова из полиции выразила удивление, почему у нее поломаны пальцы и что она хватала в тот момент, когда их ей сломали.

Я полистал газету. На четвертой странице было сообщение о Шведе. В нем говорилось, что Свен Ольсон (Шведе), бывший рыбак с Западного побережья Флориды, казнен за убийство надсмотрщика во время неудавшегося побега.

Я спросил себя, не встретил ли Шведе на том свете Цо. И понадеялся, что встретил. Внезапно я почувствовал себя одиноким, более одиноким, чем когда-либо в жизни.

Бросив газету на заднее сиденье и закурив сигарету, я продолжал ждать Бет. Наконец она появилась, такая очаровательная, как и тогда, когда уходила.

– Мистера Клифтона нет в конторе.

– О-о-о...

– Я сразу заметила, что свет не горит, но тем не менее поднялась, чтобы удостовериться. Потому и застряла.

– Понятно, – только и сказал я.

Бет учащенно дышала, словно спешила ко мне. Видимо, душевные и физические нагрузки давали о себе знать.

– Итак? – спросил я.

– Мы поедем к нему домой, – ответила она. – Но сперва остановись у моей квартиры. Хочу приготовить кое-какие вещи на тот случай, если все пойдет не так, как нужно.

– А что будет, если там ждет полиция?

Бет покачала головой.

– Ее там нет.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю.

Я ничего не сказал. Собственно, мне и нечего было говорить. Бет добавила:

– Кен считает, что ты еще на острове.

– А что мы вообще предпримем по отношению к нему?

Бет сложила руки на коленях.

– Это тебе... решать. Ты знаешь, как он поступил со мной.

Я свернул за угол, но не остановил машину возле ее дома, а сперва объехал квартал. Похоже, за квартирой не следили. Я высадил Бет, а сам снова начал делать круги вокруг квартала. Наконец она появилась с маленьким чемоданчиком в руке.

Когда она села в машину, я спросил, что у нее в чемоданчике. Она поставила его между ног.

– Одежда.

Я не имел ни малейшего понятия, где жил Клифтон, но Бет четко показывала мне путь. Его дом находился в богатом квартале. Чтобы жить там, нужно иметь крупные деньги. Но дом Клифтона был небольшой и не бросающийся в глаза, расположенный далеко от дороги. К нему через сад вела изогнутая дорожка. Бет посмотрела на меня, потом на дом, словно хотела сказать, что могла бы жить в нем, если только бы захотела, но отказалась ради меня.

Я остановил машину под свисающими ветвями невысоко-

го дерева и выключил свет. Здесь было темно и тихо, если не считать кваканья древесных лягушек и жужжания moskitов.

Бет сидела, тяжело дыша.

– Я боюсь.

Я попытался дать ей шанс к отступлению.

– Если хочешь, можем протрубить отбой. Давай, я явлюсь в полицию. Может быть, я ошибаюсь, и они все-таки поверят мне.

Ногти Бет впились в мою руку.

– Нет, я этого не допущу. Они тебе не поверят, и нас снова разлучат. – Она говорила так тихо, что я ее почти не слышал. – Кроме того...

– Что "кроме того"?

– Не забывай о Кене.

– Да, конечно.

Она открыла дверцу с моей стороны и вышла сама, по-прежнему держа в руке чемоданчик. В окне гостиной горел свет. Свет был и в соседней комнате, которая, по моим предположениям, являлась спальней либо кабинетом. В остальных окнах света не было видно, и окна нигде не были занавешены.

Я ошибся в величине дома. Гостиная оказалась большой, но пустой. Я посмотрел в окошко комнаты, расположенной рядом. Там действительно был кабинет. Клифтон сидел полностью одетый, даже в пиджаке, за письменным столом и сверял какие-то бумаги.

Бет снова схватила меня за руку.

– Что?

– Поцелуй меня. Это должно принести счастье.

И я поцеловал, чтобы ее счастье осталось с ней. Губы у Бет были горячими и дрожали. Она вся дрожала, и я на мгновение прижал ее к себе.

– Ты уверена, что выдержишь?

Она кивнула.

– Конечно. Только не жми меня так крепко, Чарли.

– Почему?

– Ты помнешь мне платье.

Я выпустил ее и прислонился спиной к стене дома.

– О'кей. Иди, и звони.

Бет нажала на маленькую кнопку у двери, и где-то внутри дома прозвенел звонок. Мгновением позже послышались поспешные шаги по паркетному полу и зажглась лампочка над порталом.

– О, это ты, – сказал Клифтон. – Что тебя привело ко мне в такой поздний час, Бет?

Та солгала:

– Я хотела поговорить с тобой о Чарли.

Я ждал, что откроется дверь, но она не открывалась. Клифтон, отделенный от Бет железной решеткой двери, не делал никакой попытки отодвинуть засов.

– Они его схватили?

– Нет, пока нет, – сказала Бет. – И надеюсь, никогда не

схватят. А ты, что же, не хочешь меня впустить?

– Уже одиннадцать часов, Бет.

– Ну и что с того?

– Я один в доме.

– Но я должна с тобой поговорить, Джо. Прошу тебя.

До того места, где я стоял, донеслось что-то вроде вздоха.

– Право, не знаю, Бет, как мне и поступить. Откровенно говоря, я побаиваюсь тебя.

Губы Бет скривились в презрительной усмешке.

– Побайваешься?

У Клифтона была такая же энергичная отрывистая манера говорить, как и двигаться.

– Точнее говоря, побаиваюсь твоей реакции. Поскольку ты пришла по поводу своего супруга, то было бы лучше, если бы ты в дом не заходила. Я хочу тебе помочь, и ты знаешь, какие у меня чувства по отношению к тебе. Но я действительно очень занят, Бет.

Я видел, как поднимается и опускается грудь Бет. Судя по всему, Клифтон это тоже заметил.

– Чем же ты так занят?

– Этого я бы не хотел обсуждать, – ответил Клифтон. – А что касается Уайта, то я говорил тебе сегодня утром, что нанимать ради этого частного детектива совершенно бесполезно. Я долго беседовал с лейтенантом Джилли, и он заявил, что абсолютно уверен в виновности Уайта.

Бет провела рукой по груди.

– Возможно, лейтенант Джилли судит предвзято.

– Практически теперь это не имеет значения.

– Значит, ты отказываешься впустить меня?

Время поджимало. Я выскочил из засады и со всех сил ударил дверь ногой.

Клифтон был стройный и элегантный, с широко поставленными умными глазами и такими черными волосами, что они казались крашеными. Он медленно отходил от распахнувшейся двери, а я входил в нее. Бет – за мной следом. Клифтон был, скорее, удивлен, чем испуган.

– Кто вы?

– Неужели не узнаете?

И тут он узнал меня.

– О, конечно. Вы – Чарли Уайт. Человек, за которым гонится вся полиция Флориды.

Он не выказывал страха. Только перевел глаза с меня на Бет.

– Дешевый трюк, моя дорогая! Ну, что мне теперь делать? Как реагировать? Что вы хотите от меня оба?

Я сел на подлокотник мягкого дорогого кресла.

– Бет уверяет, что вы ее любите.

Я ждал, что он будет отрицать, но он этого не сделал.

– Верно. И давно. Я неоднократно делал ей предложение развестись с вами и выйти замуж за меня.

– Она мне сказала, что вы даже мой старый дом хотели купить?

– Тоже верно.

– Зачем?

– Что "зачем"?

– По какой причине и для какой цели вы хотите его купить?

Это его разозлило.

– Полагаю, это не ваше дело.

Разговаривая, он пятился и наконец присел на край письменного стола.

Я действовал точно по предписаниям Бет.

– Напротив, думаю, что мое. Вы сегодня утром пользовались своим судном?

Он закурил сигарету.

– Нет.

– И это не вы послали Хэлли на остров, чтобы забрать людей, прибывших нелегальным путем, до того как туда пожалуют лейтенант Джилли и сержант Строун?

Он знал, что я понимал под "нелегальными".

– Вы с ума сошли? В Пальмето-Сити на такое никто бы не отважился!

– Но кое-кто, значит, отважился.

Его глазки были такими же черными, как и его волосы. Они прищурились, когда он спросил:

– Вы можете это доказать?

– Нет, – признался я. – Сейчас я этого сделать не могу. Но вы там присутствовали, я знаю, и чуть ли не до смерти

меня избили. Я спасся лишь благодаря тому, что на острове появились Джилли и Строун.

– Джилли и Строун вас видели?

– Нет. Их судно причалило к другому берегу.

Клифтон посмотрел на Бет.

– Ты веришь этому, Бет?

Ее голос был таким же взволнованным, как и ее глаза.

– Конечно. Старый дом идеально приспособлен для грязных делишек. Чарли находился в тюрьме, а я не была на острове несколько лет. Как раз с тех пор, как ты предложил мне переселиться в город, чтобы быть ближе к месту работы. Ты по меньшей мере раз в месяц посылал Мэтта в море. И я полагаю, он и поставил тех людей и спрятал их в доме. А потом их одного за другим переправляли на материк в качестве туристов, И никакие власти об этом не знали. – Слезы катились по лицу Бет. – Это ты! Все это делал ты!

Клифтон, казалось, был искренне удивлен.

– Все это делал я? Что все?

Бет взволнованно выпалила:

– Сначала ты ввел Чарли в искушение и заставил его заниматься контрабандой. – Она чуть ли не кричала: – А потом позаботился о том, чтобы он угодил в тюрьму!

Клифтон провел рукой по волосам.

– Ты сошла с ума. Вы оба потеряли рассудок.

Словно невзначай рука его потянулась к ящику письменного стола – будто за сигаретой.

– На вашем месте я бы этого не делал, – предостерег я его. Он отдернул руку и задвинул ящик.

– Как угодно. – Достал пачку сигарет из кармана и закурил. – Что вы, собственно, хотите от меня?

– Признания.

Клифтон выпустил дым в потолок. До сих пор он был, скорее, удивлен, чем испуган.

– А в чем я должен признаваться?

Бет сказала:

– Что ты – сеньор Пезо. Что ты нанял человека, чтобы убить Чарли сегодня утром. И что кубинку убил или ты сам, или нанял кого-то для этого.

Пальцы Клифтона дрожали, когда он подносил сигарету ко рту.

– Судя по всему, я – довольно злобная личность, и что я от всего этого выиграл бы?

И на это Бет нашла ответ:

– Меня!

Клифтон долго молчал. Потом посмотрел мне в глаза и спросил:

– Если я отвечу "нет" на все обвинения, которые выдвинула ваша супруга, это мне, вероятно, мало поможет?

– Конечно, – ответил я. – Вообще не поможет.

– Вы считаете, что я – тот таинственный сеньор Пезо, о котором упоминалось на процессе?

– Мы оба так считаем, – заявила Бет.

Клифтон задумчиво посмотрел на нее.

– Вот от тебя я не ожидал, Бет. Это доказывает, что один человек никогда не познает другого. – Он снова обернулся ко мне. – Какими доказательствами вы располагаете против меня, Уайт?

Я правдиво ответил:

– Вообще никакими. Только хорошо обоснованными подозрениями и тем фактом, что "нелегальных" вывезло с острова ваше судно.

Он предположил:

– Может быть, Хэлли – сеньор Пезо.

Бет презрительно скривила губы.

– У Мэтта ума не хватит.

– Вот именно, – поддержал я ее, – у него не хватит ума. А Пезо – умный человек. Чертовски умный. Но и он допустил

ошибку, убив Цо и попытавшись убить меня.

Клифтон пожевал губами.

– Значит, вы утверждаете, что не вы убили Цо Пальмиру?

– Конечно.

– И вы думаете, что убийцей был я?

– Да.

– Вы меня узнали?

– Нет. Лицо убийцы было слишком расплывчатым.

– А мои мотивы?

– Бет уже сказала об этом. Только ее вы не смогли купить.

А меня купили. С помощью простого телефонного разговора. "Говорит сеньор Пезо, капитан Уайт. Как вы смотрите на то, чтобы заработать две тысячи долларов?" И я, глупец, попался. Мы с вами заработали много денег, а потом вы донесли в береговую охрану, и меня упрятали в тюрьму на четыре года. Возможно, вы и Цо познакомили со мной. И послали ее навстречу, когда я выходил из тюрьмы. Вам надо было выиграть время, а я не должен был появляться в Пальмето-Сити. Поэтому вы перечислили сорок восемь тысяч на мой банковский счет в Гаване.

– Что, что я сделал?

– Вы меня хорошо поняли. Во столько вы оценили Бет. И все шло бы хорошо, если бы вы не узнали, что Бет написала мне письмо.

Клифтон посмотрел на Бет.

– Ты это сделала?

Она расправила свой носовой платок.

– Но ты ведь знал. Я сейчас вспоминаю, что сказала тебе об этом в то утро, когда я написала письмо.

Он кивнул.

– Да, теперь я вспоминаю, что ты хотела написать Чарльзу Уайту. Я погасил сигарету.

– Вы чертовски хорошо все помните. Потому что только Цо и сеньор Пезо знали, куда мы поехали. Вы отправились следом, подслушали у окна, когда я прочел письмо Бет и заявил Цо, что у нас с ней все кончено, поскольку я возвращаюсь в Пальмето-Сити.

Клифтон пожал плечами.

– Пока только предположения с вашей стороны.

– А вы можете сказать, где были той ночью? У вас есть алиби?

– Какой ночью?

– В пятницу. Два дня назад.

Бледное лицо Клифтона покраснело.

– Нет, я не могу этого сообщить вам. Во всяком случае, прочного алиби у меня нет.

Я продолжал:

– Так вот, вы слышали, как я прочел письмо Бет вслух и что сказал Цо. И поняли, каким только образом сможете решить проблемы. Цо закричала, когда увидела вас, но вы застрелили ее и дважды ударили меня дубинкой. Возможно, вы хотели убить меня, но, возможно, и нет. Вам достаточно

было, чтобы меня посадили на электрический стул. В этом случае я тоже не мог вернуться к Бет. А вы человек терпеливый, вы привыкли ждать.

Теперь Клифтон заметно нервничал. Мы все трое были взволнованы, но каждый на свой лад и по разным причинам. Он взял сигарету, но уронил ее. И вместо того чтобы поднять, раздавил ботинком.

– Вы просто ненормальны. Суд присяжных только посмеется над вашей историей.

Я выкинул свой последний козырь:

– О'кей! Пусть будет так! Мы все направляемся в полицию, я расскажу свою версию, а вы – свою.

Клифтон покачал головой.

– Боюсь, что так не пойдет. Этого я не могу себе позволить. Я – видный гражданин Пальмето-Сити, и мои конкуренты наверняка попытаются извлечь капитал из подобного дела.

Когда заговорила Бет, голос ее прозвучал пронзительно, пронзительнее, чем когда-либо.

– Значит, ты боишься, что власти проверят твои счета и кое-чему удивятся? Например, тому, откуда появляются некоторые товары, которые ты можешь продавать по более низкой цене? Я ведь все видела, просто делала вид, что не замечала твоих махинаций. Никто другой не может быть сеньором Пезо, кроме тебя!

Клифтон обиженно посмотрел на нее.

– Ты действительно так думаешь, Бет?

– Да! – возбужденно воскликнула она.

– И считаешь меня негодяем?

Я холодно сказал:

– Человек, который насилует жену другого, способен на все!

Клифтон с изумлением перевел взгляд с Бет на меня.

– Теперь впридачу я еще кого-то изнасиловал. Кого же?

– Бет.

Он посмотрел на Бет. Та покраснела и отвела взгляд. Прошло много времени, прежде чем он заговорил.

– Понимаю. Это Бет вам сказала?

– Да.

– Она сказала и где это произошло?

– В каюте вашего судна.

– Когда?

– Полгода тому назад. – Я не стал дожидаться, пока он будет оправдываться. – И я знаю, что вы на это ответите. Что вы были пьяны. Это Бет тоже сказала. И что вы потом сожалели о случившемся. Так же, как и Бет. Что вы просили ее развестись со мной и выйти замуж за вас.

Клифтон погасил сигарету.

– Наверно, будет бесполезно оспаривать тот факт, что я ни разу не спал с вашей женой, ни трезвый, ни пьяный?

Я покачал головой.

– Вы отказываетесь?

– Конечно! – пронзительно заявила Бет.

– Конечно! – подтвердил Клифтон.

Создавалось впечатление, что мы, как три попугая, передразнивали друг друга. Я уже дошел до той точки, когда сдерживаться больше не мог. Мне надоело разыгрывать из себя джентльмена. Хотелось выпить и забыть обо всей этой истории. Но голову следовало сохранить ясной. Иначе – знакомство с электрическим стулом за убийство Цо.

"Я люблю тебя, капитан Чарли", – сказала она, умирая, когда какой-то подлец убил ее в моих объятиях.

Клифтон вытащил из пачки новую сигарету и зажег ее спокойной рукой.

– Итак, что будем делать?

Я последовал указаниям, которые в свое время мне дала Бет.

– Пойдем к машине. Она стоит неподалеку.

– А дальше?

– Поедем в гавань к вашему судну.

– А потом? – опять поинтересовался Клифтон.

– Там будет видно, – пожал я плечами.

Выйдя из дома, я попросил Бет повести машину. Мы с Клифтоном уселись на заднее сиденье и уставились в затылок Бет. Ее длинные волосы до плеч были похожи на золотой шлем. Какие мысли скрывались за этим шлемом? Об этом знала только она.

За все время поездки Клифтон заговорил только один раз:

– Что было бы, если бы, проезжая мимо полицейского, я позвал его на помощь?

– Я не советую этого делать, – сказал я. – Поверьте мне, мистер Клифтон.

Спустя несколько секунд мы действительно проехали мимо полицейского, и Клифтон оказался достаточно разумным, чтобы не закричать. Бет никогда не умела хорошо водить машину и за четыре года тоже не сделала никаких успехов. У меня было такое чувство, будто я сижу на крутящейся карусели.

В гавани было тихо. Мэтт Хэлли все еще читал в каюте судна.

Бет остановила машину недалеко от мола и выбралась из нее. Она тяжело дышала.

– Отведи его на судно, Чарли.

Я пошел за Клифтоном по молу, держа в руке револьвер. С его судна были перекинуты на пирс мостки. Хэлли услышал наши шаги. Он отложил газету в сторону и открыл нам дверцу, ведущую на кокпит. Старый сухощавый моряк, он стоял, приложив руку ко лбу, чтобы хоть что-то разглядеть в темноте. Быстро плывущее облако как раз закрыло луну.

Я мало беспокоился о Хэлли. Он был пьянчужкой, но всегда умел выходить из трудного положения, и поэтому его недолюбливали в гавани. С другой стороны, он был чертовски хорошим рыбаком и настоящим моряком.

– Кто на пирсе? – окликнул он.

Бет шла впереди нас.

– Это Бет Уайт, капитан Хэлли, – ответила она.

– О, – сказал он спокойно. – А кто с вами?

– Джо Клифтон, – ответил мой спутник. – С револьвером в спине.

Хэлли быстро повернулся, чтобы нырнуть в каюту, но я предупредил.

– Оставайтесь на месте, Хэлли. Незачем устраивать ненужную перестрелку.

Хэлли словно окаменел.

– По голосу похож на Чарли Уайта? – спросил он.

– Так оно и есть, – подтвердил я.

– С ума можно сойти!

Было время прилива, и судно стояло высоко, не надо было делать большого прыжка. Бет поднялась на кокпит, и когда луна вышла из-за тучи, я успел увидеть ее обнаженное бедро, прежде чем она поправила юбку.

– Мы хотели поговорить с вами, капитан Хэлли, – сказала она. – Но не здесь.

– Где же? – удивленно спросил он.

– На воде, – ответила Бет. – Отвяжите судно, заведите мотор и направляйтесь к острову.

Хэлли посмотрел на Клифтона, а тот на оружие.

– Думаю, будет лучше, если вы сделаете то, что вам говорят, – сказал он. – Кажется, Бет и Чарли Уайт вбили себе в голову, что я – сеньор Пезо.

– Это имя я уже слышал, – отозвался Хэлли.

Он завел мотор и задом отошел от пирса.

Бет тихо спросила:

– Лейтенант Джилли был здесь?

Хэлли покачал головой.

– Нет, миссис Уайт. Не было никакой полиции. Во всяком случае, в последнее время. С тех пор как прошел слух, что Чарли отправился на Кубу.

Теперь все пришло в движение, и я не мог больше терпеть – ни духовно, ни физически. Пора было кончать с этим делом – тем или иным способом.

Клифтон спросил, может ли он наконец сесть. Я разрешил и составил ему компанию. Хэлли отправился к штурвалу. Мотор работал на полную мощность, и судно быстро пошло в сторону острова.

Хэлли обернулся.

– Куда теперь?

Голос Клифтона прозвучал резко и горько.

– Спросите лучше Уайтов. Судя по всему, я лишен слова.

– Так оно и есть, – подтвердила Бет.

Казалось, она была довольна, хотя и встревожена.

– Куда? – спросил ее Хэлли.

– К острову, – ответила она. – Бросьте якорь перед домом.

– Как прикажете! – Он немного изменил направление, и судно продолжало резать волны.

Клифтон закурил сигарету.

– Вы были сегодня на острове, Хэлли?

Мэтт не посчитал нужным повернуть голову.

– Ну, как сказать... Да, был, если не ошибаюсь.

Клифтон выпрямился на стуле.

– И что вы там делали?

На этот раз Хэлли повернул голову и посмотрел на него.

– Забрал группу "нелегалов", пока до нее не добралась полиция. Вы же сами сказали, что их надо перебросить в Спрингс.

– Я так и знала! – воскликнула Бет. – Так и знала! Вы скажете это перед судом, капитан? Поклянетесь перед судом?

Хэлли покачал головой.

– Нет. Я не собираюсь совать голову в петлю федеральных властей. Но с глазу на глаз могу сказать, что уже давно выполняю подобные задания Клифтона. С тех пор, как развалилась моя посудина.

Бет восторженно воскликнула:

– Ты слышал, Чарли? Слышал, что только что сказал Мэтт?

– Слышал, – подтвердил я.

Клифтон встал и подошел к поручням. Я последовал за ним, но он не собирался удирать. Его просто стошнило.

Это я мог понять. Потому что представлял его ощущения.

Луна выглянула из-за одной тучки и тут же спряталась за другую. При свете луны Бет выглядела как ангел-мститель – с развевающимися волосами, большой грудью и чемоданчиком в руке.

Луна снова вышла из-за облаков и осветила ее лицо. Оно было искажено яростью.

– Вот он! Человек, который убил Цо и пришел убийство тебе. Человек, исковеркавший нашу жизнь. Человек, укравший у тебя четыре года жизни, потому что хотел обладать мной!

Я не мог вымолвить ни слова. Рука, в которой я держал револьвер, была мокрой от пота.

Бет презрительно посмотрела на меня.

– Почему ты его не пристрелишь?

Я поднял руку с револьвером, и Клифтон уставился на меня – его лицо было бледным и измученным, но страха на нем я не заметил.

Слова Бет снова подхлестнули меня:

– Не стой так! Пристрели его!

Горло у меня сдавило, и я с трудом выдавил:

– А что дальше?

Бет понизила голос:

– Я же тебе говорила, дорогой.

– Повтори еще раз.

С таким же успехом она могла говорить и с непонятливым ребенком.

– Мы перевезем труп на берег и очистим твое имя от подозрений.

– Каким образом? Совершив еще одно убийство?

Бет погладила меня по руке.

– Но ведь это – сеньор Пезо. Он убил Цо.

– А как мы это докажем, если он будет мертв?

– Предоставь все мне. Дай револьвер.

Я отвел ее руку.

– Нет. Почему бы нам не привезти его на побережье живым?

– Потому что он не признается. Ты слышал, что сказал Мэтт? Он никогда не сознается в суде. Прошу, дай мне оружие.

Я покачал головой.

– Нет, пусть Клифтон и является сеньором Пезо, но почему нам не привезти его живым на побережье?

– Потому что...

Клифтон, стоявший спиной к перилам, взялся за них обеими руками.

– Я могу вам на это ответить, – сказал он спокойно.

Хэлли между тем уже добрался до узкой полоски камыша перед старым домом. Он выключил мотор и собирался теперь бросать якорь. Никто из нас не произнес ни единого

слова. Все были заняты своими собственными мыслями.

Луна снова показалась из-за туч. Лицо Бет было искажено, словно она плакала, но я не слышал звуков.

– Я же вам говорил, – начал Хэлли. – Еще по телефону сказал, что это не удастся. – Он посмотрел на берег. – Я был бы последним дураком, если позволил бы вам втянуть меня в это дело.

Бет сделала последнюю попытку.

– Но он... изнасиловал меня, Чарли.

Мне было сейчас так тошно, как и Клифтону.

– Да, ты уже говорила. Ты мне успела многое порассказать.

– Ты мне не веришь?

– Нет.

Печальным голосом Клифтон сказал:

– Я уже давно подозревал об этом. Но влюбленный человек – это слепой дурак.

Услышав это, Хэлли сплюнул.

– Любовь... такого вообще не существует. Только похоть.

– В какой-то степени я согласен с вами, – заметил Клифтон.

Я покачал головой.

– А я нет. Я знал женщину, которая меня любила. Ее звали Цо.

Снова послышалось тяжелое дыхание Бет. Она бросила на меня злобный взгляд и направилась к кокпиту, к Клифтону.

– Ты же меня любишь, Джо, не правда ли?

Он закурил сигарету.

– Думаю, что да. Поскольку я тебя любил несколько лет, я никогда полностью не излечусь от этого.

Она потерялась о него, как ласковая кошечка.

– Тогда увези меня отсюда. На Кубу. Или куда-нибудь еще. Я не могу больше возвращаться на материк.

– Ты забываешь о своем муже.

Бет повернулась в мою сторону.

– Я ненавижу его.

Я промолчал.

Клифтон пожал плечами.

– У него же револьвер... Впрочем, о чем ты договорилась с Хэлли?

– Меня вы можете оставить в стороне, – сказал Хэлли. – Я был заинтересован только в деньгах.

– О какой сумме шла речь? – спросил я.

– После того, как Клифтона пристре...

Бет набросилась на него:

– Замолчи!

Хэлли пожал плечами и прислонился к двери каюты.

Бет снова ринулась на Клифтона.

– Ты же любишь меня, Джо! Ты неоднократно требовал, чтобы я развелась и вышла за тебя!

– Но ведь это было до того, как я тебя "изнасиловал".

Бет заплакала.

– О, я была в таком отчаянии... Меня вынудили солгать. Я должна была вырваться из этого болота. – В голосе ее послышались истерические нотки. – Я буду тебе хорошей женой, Джо! Сделаю все, что ты захочешь! Все!

Мне показалось, что я снова в бегах. Только раньше я был на пути к Бет, а теперь – от нее. Такова, значит, эта женщина, о которой я мечтал четыре года. Женщина, которая лежала в моих объятиях и жаркими устами уверяла, что любит меня.

Я сказал:

– Меня не было четыре года, и я бы не противился разводу. Почему же ты не вышла замуж за Клифтона?

– Убирайся к черту, Чарли Уайт! – выругалась Бет. – Лучше бы я никогда тебя не видела!

В ее устах эти слова прозвучали удивительно.

– Я могу ответить на ваш вопрос, Уайт, – сказал Клифтон. – Бет знала, что я не заставил бы свою жену работать. Но, к сожалению, она так глубоко увязла, что не отважилась бросить место.

– Увязла в чем?

– Составляла чеки на несуществующие фирмы, которые находились в Тампа, Майами и даже в Чикаго. Один Бог знает, сколько она успела положить себе в карман. Она была моей личной секретаршей, и в некоторых банках ее подпись имеет такую же силу, как и моя.

Бет заплакала.

Клифтон бросил сигарету за борт, и та с шипением погас-

ла.

– А что касается ночи, когда я якобы ее изнасиловал, то этому тоже есть объяснение. К тому времени ее картонный домик начал качаться. Власти дважды установили, что через мою фирму проходили контрабандные товары. Точнее, тоже были предположения, так как доказать они ничего не могли, – Клифтон печально посмотрел на меня. – Но Бет хотела привязать меня к себе. Поэтому она попыталась стать моей любовницей. Собственно, я до сих пор не знаю, почему ей это не удалось, я ведь нормальный человек и люблю красивых женщин. В ночь, когда убили вашу кубинку, я был у одной женщины и поэтому не мог представить алиби.

Клифтон закурил новую сигарету.

– Но с Бет было иначе. Я человек богатый, но одинокий. Все свое время тратил на то, чтобы зарабатывать деньги, и мечтал, что рано или поздно познакомлюсь с подходящей девушкой. Это произошло, когда появилась Бет. Но она была замужем, и я не отважился сказать ей о своих чувствах. Позднее, когда вы попали за решетку и я сказал ей, она уже так погрязла в мелких обманах, что не решилась, как говорится, взять быка за рога.

Моя правая рука устала, и я переложил револьвер в левую.

– Но к чему теперь так спешить, зачем ей надо, чтобы я вас пристрелил?

– Сегодня утром были следственные органы. И на этот раз появились неопровержимые улики. Речь идет о духах. А ви-

новаты в этом могут быть только Бет или я. И на этот раз я могу доказать, что не давал подобного поручения. Когда духи поступили на склад, я был по делам в Нью-Йорке.

Бет перестала плакать и искала носовой платок в вырезе своего платья.

– Если ей повезет, – продолжал Клифтон, – она отделается десятью годами. Может, даже пятью. Но, с другой стороны, дядюшка Сэм не любит, когда его обманывают. Особенно если речь идет о налогах. Возможно, суд даст и высшую меру наказания.

Я спросил:

– А сеньор Пезо?

Клифтон покачал головой.

– Понятия не имею. Подозреваю только, что Бет работала с кем-то, но я почти уверен, что это не Хэлли. Он недостаточно прожженный жулик для подобного.

– Благодарю, – усмехнулся Хэлли.

Бет потеряла платок. Она поставила чемоданчик на скамейку и щелкнула замками.

Клифтон еще не закончил:

– Я думаю, что дело с "нелегальными", о которых вы упоминали, было последней отчаянной попыткой сорвать большой куш. Я слышал, что за это платят по тысяче и даже больше.

– Мне в свое время предлагали и пять, – сказал я.

В этот момент что-то ударило мне в руку. Я почувство-

вал боль еще до того, как услышал треск. Словно щелкнули пальцами. Я посмотрел на кровоточащую руку и перевел взгляд на Бет.

Она стояла, широко расставив ноги, чтобы не потерять равновесия на покачивающемся судне. В руках она держала маленький черный автоматический пистолет. В лунном свете ее лицо казалось призрачно белым и некрасивым.

– Подними его револьвер, – приказала она Хэлли.

Мэтт стрелой пронесся по кокпиту и поднял оружие.

– Я надеялся, что у тебя есть пистолет, – сказал он с ухмылкой. – А у меня не было. – Он покосился на меня. – Зато теперь и у меня имеется.

– Как у двух сообщников, – заметил Клифтон.

Улыбка Бет была такой же злой, как и ее глаза.

– Мы называемся не сообщниками, а соратниками, – поправила она. – А теперь говорить буду я. – Она взглядом скользнула по борту. – Но немного. К чему тратить слова? К тому же меня ждет сеньор Пезо. По всей вероятности, в международном порту Тампа.

Хэлли разочарованно посмотрел на нее.

– Этим путем вам никогда не удастся скрыться.

Бет пожалала белыми узкими плечами.

– А я и не буду пытаться. Когда мы покончим с Чарли и Клифтоном, ты отвезешь меня на Кубу.

Клифтон отрицательно замотал головой.

– Не удастся, Бет.

Она смерила его высокомерным взглядом.

– Почему? Бумаги Мэтта в порядке. А береговой охране это совершенно безразлично.

Хэлли уставился на высокую грудь Бет.

– По мне, как хотите. У вас есть деньги?

Бет открыла чемоданчик.

– Конечно! – и посмотрела на меня. – Поскольку мы заговорили о деньгах, дай мне, пожалуйста, свою банковскую книжку, Чарли.

Я вынул ее из кармана брюк и протянул ей.

– Она выписана на мое имя. Ты не сможешь ничего получить. Но Бет сунула ее за вырез платья.

– Это мы посмотрим. Ты – идиот, Чарли. Я хотела уехать вместе с тобой. И я тебе не лгала. – Ее лицо скривилось в усмешке, присущей всем обманутым женщинам. – Так в чем же дело? Я тебе не понравилась? А я ведь так старалась уговорить тебя.

– Слишком старалась, – сказал я. – И перестаралась.

– Разве твоя новая жена тебе не понравилась?

– Не до такой степени, чтобы погубить жизнь невинного человека.

– Значит, ты знал? – вырвалось у нее.

– Сначала нет, – сознался я. – Я думал, ты меня действительно любишь. Но потом у Салли... Тут уж я сумел кое в чем разобраться.

– Каким образом?

– Ты переиграла, Бет. Слишком уж старалась, чтобы я клюнул.

Бет пожала плечами.

– Дай мне сигарету, Мэтт.

Тот исполнил ее просьбу.

– А теперь что?

– Поднимай якорь.

– А Чарли и мистер Клифтон?

– О них мы позаботимся, когда будем в море.

– Хорошо, – Хэлли сунул пистолет за пояс, обернулся и застыл, когда увидел идущего ему навстречу с мостика Кена Джилли с тяжелым пистолетом в руке.

– Куда направляемся?

Но он сказал это не Хэлли. Он сказал это Бет. Услышав звук его голоса, она повернулась медленно, словно не веря. А потом пронзительно закричала. За одним криком следовал другой, и каждый последующий был громче предыдущего.

Перестав кричать, она едва сумела выдавить:

– Ты же в аэропорту Тампа! Ты ждешь меня там! Ты должен быть там!

Кен спрыгнул на кокпит.

– Потаскуха! – рявкнул он. – Проклятая потаскуха! – Он так же, как и она, тяжело дышал. – Лживая сука! Втянула меня в дело, а теперь хочешь смыться и бросить меня на произвол судьбы?

Хэлли перемахнул через борт в воду, но Кен этого, казалось, не заметил. Не знал он, видимо, и того, что мы с Клифтоном стояли у самых поручней кокпита. Он видел сейчас только Бет. Так должен был выглядеть человек, который прошел через адский огонь.

– Ты сказала мне: "Я люблю тебя, Кен. И если ты это сделаешь, мы будем богаты". Так было четыре года назад. И я, дурак, послушался тебя. Спал в кровати лучшего друга, помог тебе сопроводить его в тюрьму, потому что ты боялась его разоблачения, боялась, что он поймет, что никакого сеньора Пезо не существует в природе.

– Прошу тебя, Кен, – умоляюще прошептала Бет.

Он ударил ее по лицу.

– Нет! Все кончено! – Он, кажется, все-таки знал, что мы стояли на кокпите. – Теперь мне все равно, что слышат Чар-

ли и Клифтон. Они имеют право все знать. Завтра утром все будут знать об этом. Ты никуда не уедешь, и я никогда и никуда не уеду. Игра закончена.

Бет попыталась отвлечь его.

– Но как ты попал на борт?

– А я был здесь, когда вы только приехали. В передней каюте. Едва ты позвонила мне и назначила встречу в аэропорту, я по твоему тону понял, что ты привлечешь к этому делу Мэтта, а меня оставишь с носом, как козла отпущения.

Бет хотела возразить, но Кен резко ее перебил:

– Я знаю, я все слышал. Если бы ты смогла заставить Чарли убить Клифтона, то, считаешь, смогла бы выпутаться из всего и даже остаться жить в Пальмето-Сити?

– Мы бы могли выпутаться, – сухо уточнила Бет.

Кен покачал головой.

– Нет, ты никогда меня не ценила. Я был только послушным инструментом. Марионеткой, которую ты оплачивала своим телом. И я как дурак радовался этому. Радовался, потому что любил тебя. Потому что всегда любил. – Кен коротко посмотрел на меня. – Что она тебе сказала, Чарли? Я имею в виду наши с ней отношения.

– Ну, что... что ты вскоре после моего отъезда начал жить вместе с ней. Что ты вынудил ее на это. Грозился убить ее, когда она хотела порвать с тобой.

И Кен заплакал. Беззвучно содрогался от душивших его рыданий. Видеть плачущего мужчину – вещь неприятная.

– Так приблизительно я и думал, – сказал он. – Но все иначе. Началось это задолго до того, как ты сел за решетку. И звонил тебе я. – Он говорил теперь голосом, который стоял в моих ушах четыре года, пока я лежал в своей камере, уставившись в темноту.

"Говорит сеньор Пезо, капитан Уайт. Как вы смотрите на то, чтобы заработать две тысячи долларов?" Я не выдержал и бросил:

– Подлец!

– Так оно и есть! – кивнул Кен. – Но я был всего лишь телефонным голосом вплоть до последнего раза.

– Когда?

Кен вытер себе толстые щеки.

– В последнюю пятницу в Дед-Менс-Бей.

– Это был ты?

Он кивнул.

– Да. Я хотел убить и тебя, но подумал, что ты мертв.

– А зачем?

– Потому что я уже тогда знал, что мы прогорели, и время работало против нас. – Его одутловатое лицо было похоже на трагическую маску. – И Бет начала меня выкачивать. Я поручил Мэггу найти Цо в его последнюю поездку в Гавану и передать ей деньги, чтобы она могла заехать за тобой. Я подыскал и судно, которое возьмет вас на борт и доставит на Кубу. История с деньгами была идеей Бет. Она считала, что счет на банковской книжке пойдет только на пользу де-

ду. Потом я узнал, что на счету действительно лежала такая сумма. Узнал и о том, что она тебе написала и послала деньги на поездку сюда.

– А если бы я не приехал в Пальмето-Сити?

– Она хотела встретиться с тобой в Гаване и отвлечь тебя от Цо, по крайней мере до того, пока не вернет свои сорок восемь тысяч. Они были ее обеспечением. О, Бет умна, она продумала все. И уберегла себя от всего, только меня проглядела. А я поехал в Дед-Менс-Бей и сделал так, чтобы ты не мог вернуться. Но тем не менее ты появился. И в какой-то степени я даже рад, что все так кончилось.

Бет придвинулась к нему.

– Не надо, Кен. У нас еще есть шанс.

Он покачал головой.

– Нет. Все позади.

Она прижалась к нему.

– Не говори так.

Свободной рукой Кен отодвинул от себя Бет.

– Нет. Мы пропустили свой поезд. В тот момент, когда ты легла в кровать с Чарли, чтобы узнать, насколько он в курсе дел, и чтобы держать его как запасной козырь... Использовать в игре против меня. Но ты допустила ошибку, послав его на остров. Ты забыла, что у нас не было времени убрать оттуда "нелегальных". Они чуть было не убили Чарли. Мэтт увез их в последнюю минуту.

Он снова посмотрел на меня.

– А ты прятался в болоте, Чарли?

– Да.

– Я это знал. И хотел убить тебя. Хотел застрелить тебя.

– А теперь?

Кен долгим взглядом посмотрел на меня.

– Я и так причинил тебе много зла, старый бродяга.

Я ничего не ответил. Что я мог сказать? Кроме того, у него было оружие, а у меня только кулаки.

Кен продолжал:

– А потом сегодня ночью у Салли...

Бет испуганно посмотрела на него.

– Откуда ты знаешь?

Кен тупо посмотрел на нее.

– Как узнают, что происходит на побережье? Ты встрети-
лась с Чарли в седьмом номере и оставалась там около часа.
Зная тебя, я понял, что там произошло. Ты ему заплатишь
авансом за то, что он должен будет сделать для тебя. Кое-
что, рожденное в твоей голове.

Бет отшатнулась от него.

– Нет, нет! И не смотри на меня так, Кен!

– А как же я должен смотреть на тебя?

Бет провела языком по засохшим губам.

– Я хотела бы уйти отсюда. Мы поедем все вместе. – Она
подвигла чемоданчик. – Посмотри, у меня здесь все деньги.

Кен выбил у нее чемоданчик из руки.

– Ты же отлично знаешь, что я никогда не интересовался

финансовой стороной. Я хотел только тебя.

Бет попыталась его успокоить.

– Но ведь я не возражаю, Кен. Мы уедем вместе с тобой.

– Куда?

– Куда скажешь.

– На чем?

– На этом судне.

– Я не моряк. И ты тоже.

– Тогда на самолете. Поедем в аэропорт Тампа.

Кен показал на воду.

– И как мы туда попадем?

Глаза Бет проследили за его движением, и ее лицо искажилось, словно ее что-то душило. Вдоль всего побережья искрились красные и зеленые сигнальные огни.

Силуэт первого судна береговой охраны уже был виден в лунном свете.

– Эй, на корабле! – раздался голос молодого лейтенанта.

Бет бросилась на меня.

– Это твоя работа! Ты с самого начала играл в двойную игру! Поэтому и шептался с Френчи! Ты сказал ему, чтобы он предупредил береговую охрану?

– Я, – подтвердил я.

Она взмахнула своими длинными светлыми волосами.

– Я не дам им арестовать себя. Никогда. – Потом она обнаружила маленький пистолет в своей руке и посмотрела на меня.

– Полный вперед! И побыстрее!

Я покачал головой.

– Не могу.

– Почему?

– Судно же на якоре! Ты что, не понимаешь? Мэтт только собирался поднять его, когда на сцене появился Кен.

Опять прозвучал голос молодого лейтенанта, на этот раз более резко:

– Эй, кто там на борту?

Ему ответил Клифтон:

– Клифтон, лейтенант! – крикнул он. – И было бы очень хорошо, если бы вы поднялись к нам на борт. Мы находимся в очень щекотливом положении...

Бет разрядила в Клифтона всю обойму.

Пули ударили в металлический борт. А Бет завывала – так, что разрывалось сердце. Она помчалась на корму, продолжая кричать:

– Я не дамся им! Не дамся!

– Можешь не пытаться, Бет, – спокойно сказал Кен. – Все равно ничего не выйдет.

Она не обратила внимания на его слова, хотела прыгнуть за борт и чертыхнулась, потому что ее платье зацепилось. Вслед за треском рвущегося платья последовал всплеск. Потом она полезла в камыши и заковыляла к берегу. Проектор катера береговой охраны ярко осветил ее.

– Нет! – воскликнул Кен, стоявший рядом со мной. –

Только не это!

Звук его выстрела чуть не оглушил меня. Я хотел ударить его по руке, но опоздал. Красное пятно появилось на белой спине Бет, как раз под левой лопаткой. Она сделала еще пару шагов и упала лицом в воду. Послышался новый всплеск – это Кен прыгнул в воду и пошел к ней. Его массивные плечи вздрагивали, когда он тихо пробормотал:

– Бет, моя дорогая...

Сержант Стоун пошел навстречу Кену, державшему Бет на руках. Слезы текли по его толстому лицу. Я стоял неподвижно и лишь наблюдал. У него было право нести ее. Это была его мертвая, не моя.

Когда они встретились, Кен протянул Струну свое служебное оружие.

– Все в порядке, Билл, – сказал он. – Я не доставлю вам никаких неприятностей. – Он крепче прижал тело Бет к себе. – Мы оба не доставим больше вам никаких неприятностей...

Серел рассвет, когда меня отвезли в полицейский участок. То немного, что я знал, я рассказал им. Хотел только утаить ту историю с негодяем в старом доме. Кен признался, что это он дал тому поручение. Стоун пообещал допросить меня по этому поводу позднее. Но я не видел никакого смысла, зачем сознаваться в том, в чем тебя никогда не смогут уличить. Я уже достаточно вдохнул тюремного воздуха, даже больше, чем нужно.

Вместе с Клифтоном мы спустились по истоптанным ступенькам лестницы. Он выглядел старым и усталым – много старше, чем был на самом деле. Погоня за убийцей закончилась. Меня нашли, но я больше никому не был нужен. А Бет умерла сама, и в каждом из нас убила какую-то частицу.

Кен послал ее на смерть, потому что она вынудила его действовать вопреки его желаниям. В Клифтоне тоже что-то умерло, и он навсегда останется одиноким. Я знал, что и меня поджидает та же участь. Но не из-за Бет. Моя любовь умерла в Дед-Менс-Бее.

Какое-то время мы постояли перед полицейским участком. Искали слов, но, по всей вероятности, нам нечего было сказать друг другу.

– Ну, мы еще наверняка встретимся, – наконец сказал Клифтон.

– Конечно, мистер Клифтон.

Я посмотрел ему вслед, а он направился в свой магазин. После этого и я пошел к побережью. На углу меня ждал Френчи. Он зашагал рядом со мной, но ничего не сказал.

Я подумал о Шведе. В чем-то он был прав, а в чем-то нет. Бет и Кен плыли против течения, и что с ними случилось? С другой стороны, он называл Цо девкой, но она не была ею. Цо любила меня, даже умирая, она сказала мне об этом. А я относился к ней так же, как к Бет. Но где-то все-таки было различие. Женщину нельзя назвать плохой или хорошей, потому что она спала с мужчиной. Цо имела больше мужчин,

чем Бет. Но она все понимала и предупреждала меня: "Она тебя не любит. Я – твоя женщина. Я это знаю".

Цо была права, и именно потому все стало таким сложным. Я не знал, что думать и как поступать. Что было правильным, а что неверным?

В гавани Френчи остановился и начал скручивать себе сигарету.

– У тебя достаточно денег, Чарли?

Я покачал головой.

– Ни цента.

Он провел языком по бумаге, скрутил самокрутку и сунул ее себе в рот.

– У меня тоже нет. Но ты можешь жить на моем судне, сколько хочешь. Да и жратва всегда найдется. Мы и рыбачить можем вместе.

– Охотно принимаю твое предложение, – ответил я, тоже пользуясь его табаком.

После того как Френчи лег спать, я еще долго сидел на палубе, курил и слушал шум воды. Время от времени я выпивал ром и смотрел, как светлеет вода в свете восходящего солнца. Прошлое умерло, и не было смысла вспоминать о нем. И восходящее солнце словно подтверждало это. Это было солнце надежды. Может быть, где-то там, за горизонтом, меня ждала другая Цо.

Может быть.